

## **К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ ВЗГЛЯДАХ Ж. САНД В ЭПОХУ ИЮЛЬСКОЙ МОНАРХИИ И В ГОДЫ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

**Источник:** Преображенская Е. О. Социальные взгляды Ж. Санд в эпоху Июльской монархии и в годы Февральской революции. Учёные записки ПГУ. Т. XV. Выпуск 1. Русский язык и литература. Пермь: Пермский государственный университет им. А. М. Горького, 1959. 145 с. С. 109 – 144.

Жорж Санд была писателем, который сознательно ставил свое искусство на службу обществу, на службу народу. Она была непримиримым врагом теории "искусства для искусства". Понятие красоты было для нее неотделимо от понятия борьбы за социальную правду, социальную справедливость. Всем своим творчеством Ж. Санд откликается на упорное стремление передовых людей ее времени понять процесс общественного развития и найти разрешение проблемы уничтожения эксплуатации человека человеком. Белинский в 1846 г. писал: "Ж. Санд – первый талант во всем пишущем мире нашего времени",<sup>1</sup> имея в виду именно эту сторону ее творчества – ее страстную реакцию на борьбу прогрессивных сил мира.

Ж. Санд живо интересуется всеми социальными учениями, которыми так богата была эпоха, предшествовавшая появлению величайшего документа социалистической мысли XIX века – "Манифеста Коммунистической Партии", в котором Маркс и Энгельс раскрыли "тайну" социальной науки. Вместе с передовыми людьми своего времени Ж. Санд мучительно пытается ее разгадать.

Хорошо понять эстетику Ж. Санд можно лишь изучив ее социальные взгляды. На пути исканий социальной правды Жорж Санд испытывает влияние многих общественных учений. Решающее влияние на формирование ее социальной философии оказывает борьба французских народных масс, борьба поднимающегося рабочего класса Франции.

Общественные взгляды Ж. Санд претерпевают значительную эволюцию. Начав с романтического протеста яркой сильной личности против тупой буржуазной среды, убивающей в человеке все прекрасное, она отказывается затем от индивидуального бунтарства, пишет одно из своих наиболее реалистических произведений – роман "Орас", где подвергает романтический индивидуализм самой резкой критике. Ж. Санд не только приходит к убеждению, что

<sup>1</sup> В. Г. Белинский. Русская литература в 1845. Собр. соч. в 3-х томах, т. III, М., 1948, стр. 24.

счастье отдельного человека неотделимо от счастья других, но полагает, что только удовлетворение материальных и культурных потребностей беднейшей части населения – рабочих и крестьян – является необходимым условием процветания всего общества и, следовательно, каждого человека. Для этой цели, заявляет она, надо вести упорную повседневную борьбу, организуя народные массы в партию, защищающую их интересы.

В целом ряде статей и писем Ж. Санд настойчиво говорит о необходимости для французской демократии иметь такую философию, которая включала бы в себя как науку о вселенной, так и науку об общественных явлениях и служила бы руководством в борьбе за новые общественные отношения.

40-е годы – это годы расцвета общественно-политической деятельности Ж. Санд. Она принимает активное участие в Февральской революции, примыкает к самому левому крылу французской демократии и объявляет себя коммунисткой.

Июльская революция, направленная против дворян и клерикалов, покончила с ними и сделала окончательно невозможным восстановление феодализма во Франции, однако хозяином в стране оказывается лишь незначительная часть нации – верхушка французской буржуазии, так называемая финансовая аристократия. Народные массы – рабочие и ремесленники, которые были главной движущей силой июльского восстания, ничего от этой революции не выигрывают. И все же, в огне сражений, рабочие начинают осознавать, что они являются силой, способной свергать деспотические правительства.

Годы Июльской монархии чрезвычайно насыщены политическими выступлениями французской демократии, богаты народными восстаниями. Вместе с тем, это годы поисков молодым рабочим классом форм борьбы за свои права. Маркс замечает, что борьба рабочих против капиталистов ведется планомерно в трех направлениях: в теоретическом, политическом и практически – экономическом.<sup>1</sup> В зависимости от исторического момента на первый план выступает та или иная форма борьбы.

В начале 30-х годов борьба французских рабочих против капиталистической эксплуатации носит в основном еще экономический характер. Рабочие выставляют такие требования, как сокращение рабочего дня, увеличение зарплаты, введение тарифов и т. д. Однако в стачечной борьбе растет и крепнет классовое самосознание рабочих. В этом отношении характерны Лионские события конца 1831 года, когда стачка – протест против снижения заработной платы перерастает в первое в истории самостоятельное рабочее восстание.

Энгельс замечает, что со времени Лионских восстаний (1831 и 1834 гг.) и чартизма "классовая борьба между пролетариатом и буржуазией выступила на первый план в истории наиболее развитых стран Европы"<sup>2</sup>. В эти годы мы видим стремление рабочего класса к объединению,<sup>3</sup> создание рабочими профессиональных союзов,

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV<sup>7</sup>, стр. 143.

<sup>2</sup> К. Маркс. Избр. произв., г. II, 1952, стр. 125.

<sup>3</sup> Попытки объединения отдельных компаньонажей.

касс взаимопомощи и т. д., а также вступление рабочих в различные тайные революционные общества, организованные представителями демократической интеллигенции.

В. И. Ленин говорил, что на первых порах рабочего движения борьба рабочего класса и развитие социалистической мысли идут раздельно.

В 30-е и особенно в 40-е годы идеи утопического социализма разных оттенков получают широкое распространение среди французского народа, рабочих и ремесленников. Вместе с тем в рабочем классе усиливается стремление сочетать экономическую борьбу за повседневные нужды с борьбой за республику, борьбой за полное преобразование общества, за установление новых социальных отношений. В рабочем классе появляется интерес к социальной науке.

В сороковые годы, когда Маркс жил в Париже, среди французской демократии настойчиво растет потребность в социально-философской системе, которая бы по-новому объяснила народным массам мир, развитие общественных отношений и указала бы конкретные пути борьбы за новый социальный строй.

В эту эпоху классовые противоречия в стране все обостряются, растет недовольство народных масс, усиливается стачечное движение, в тайных революционных обществах начинают преобладать рабочие-ремесленники, среди рабочих масс распространяются идеи утопического коммунизма, так называемого мирного и революционного.

В 1841 году появляется "Путешествие в Икарию" Кабэ, в 1842 – "Кодекс Общности" (или "Кодекс Коммунизма") Дезами – продолжателя революционных традиций Бабефа и др. Среди демократической интеллигенции усиливается интерес как к эпохе революции 1789–1894 гг., так и вообще к эпохам народных восстаний. В исторических, философских, художественных и других произведениях отмечается активная роль народных масс в социальной жизни страны; подчеркивается, с одной стороны, мощь и сила народа, а с другой – тот факт, что народ до сих пор закабален. Эт. Кабэ, помимо утопического романа, выпускает популярную историю французской революции для рабочих; писатель-коммунист Лапоннере перепечатывает все речи и статьи Робеспьера; один из учеников Пьера Леру – Робер работает над "Историей рабочих классов"; Агриколь Пердигье – столяр – выпускает книгу о компаньонажах – профессиональных объединениях рабочих-подмастерьев, где призывает их всех объединиться для организованной борьбы с эксплуататорами; вместе с тем, Пердигье работает над биографиями общественных деятелей, служивших народному делу.

Жюль Мишле пишет свою "Историю Французской революции", построенную на новых для того времени материалах. Главным действующим лицом его "Истории" является народ. Луи Блан также выпускает "Историю Французской революции", где рисует Робеспьера и его сторонников истинными защитниками французского народа, вождями Французской революции.

В эти годы из среды рабочих-ремесленников появляется интеллигенция, жадно стремящаяся к знанию. На литературную арену вступает большое количество поэтов, писателей из рабочих и ремесленников. И вся эта новая интеллигенция пытается как-то осмыслить свое место в общественной жизни.

Десятилетия, предшествовавшие появлению "Коммунистического Манифеста" – величайшего программного документа научного социализма-коммунизма, были периодом, когда рождались и вырабатывались многие из тех мыслей и идей, которые легли затем в основу этого замечательного произведения общественной мысли XIX в.

Жорж Санд сумела чутко уловить все эти искания французской демократии, французского рабочего класса. Она откликнулась на них в своих как художественных, так и публицистических произведениях.

В социальных взглядах Ж. Санд мы встречаем противоречия и колебания, чрезвычайно характерные для домарксовского социализма. Материалистические положения сталкиваются с идеалистическими, отражая противоречия и колебания самих народных масс, самого рабочего класса, который в эти годы был еще очень молод. К середине XIX века во Франции насчитывалось 124 тыс. крупных и средних предприятий со средним числом рабочих 10 человек и 1548 мелких со средним числом рабочих 2 человека. Таким образом, замечает проф. Волгин, "в общей массе французских рабочих очень велик удельный вес таких групп, как рабочие мелких мастерских, ремесленные подмастерья, кустари, не способные к усвоению последовательной пролетарской идеологии". Современный французский историк Роже Гароди в своей работе "Социалистические и коммунистические течения в 1848 г." говорит, что, по существу, до 1848 года различные формы социализма отражают скорее протест мелкой буржуазии, находящейся под угрозой быть отброшенной в ряды пролетариата, чем классовое сознание рабочего.

Идеи утопического социализма в его разновидностях легли в основу социальных взглядов Ж. Санд. Решающим моментом, определяющим ее отношение к той или иной социально-философской системе, был страстный интерес французской писательницы к действительности, ее любовь к жизни, твердое убеждение в том, что человек имеет право на счастье здесь, на земле.

У французских энциклопедистов почерпнула Аврора Дюпен – будущая Жорж Санд – первые элементы материализма. "Жизнь в XVIII веке была направлена на мирские интересы, на земной мир". – писал К. Маркс в "Святом Семействе"<sup>1</sup>. Этот жадный интерес к земной жизни, к земным радостям вместе с критическим, порой острокритическим отношением к окружающему миру привили Ж. Санд с юных лет философы "великого века". Французская действительность, борьба народных масс укрепляют в ней эти черты.

В одном из писем 1834 года к своему другу Франсуа Роллина Ж. Санд рассказывает, как 16 лет она набросала своего рода "декларацию прав человека", вернее, наметила основные черты "настоящего человека" – l'homme juste, как она его называет. L'homme juste не принадлежит к какому-нибудь определенному сословию или к определенной нации. Ж. Санд не указывает также и его пола. Это может быть как мужчина, так и женщина. Цель его жизни – борьба за справедливость. Он любит бога и всегда готов предстать перед ним. L'homme juste не копит богатств, он делится всем, что имеет, с бедняками и нищими. Он всегда трудится, либо физически, либо умственно.

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 155.

Он горд, но не тщеславен. Он презирает мнение толпы. Он защищает слабого и угнетенного. Его часто преследуют, травят, на него клеветают. Но он всегда добивается правды, потому что любит и желает ее и потому, что он силен духом и настойчив.

Изложив характеристику своего "настоящего человека", Ж. Санд в том же письме к Франсуа Роллина отмечает наличие в философии своей юношеской "декларации" двух элементов: евангельско-христианского и бунтарского. Вера в силу человека, уважение к человеческой личности, к труду человека, убежденность в праве каждого человека на полноценную жизнь на земле переплетаются здесь с евангельской проповедью любви к богу и, следовательно, покорности ему. И в дальнейшем для социальных взглядов Ж. Санд характерно будет сочетание этих двух элементов, причем сочетание далеко не всегда мирное: между ними идет борьба; бунтарские элементы берут в определенные моменты верх над евангельскими и заставляют Ж. Санд так высказываться относительно христианства: "эта прекрасная доктрина принесла миру столько же зла, сколько и добра... С Христом в социальную жизнь вошли лицемерие и гонения, и это длится уже 18 веков... Долой же бога Христа."<sup>1</sup>

С первых своих шагов на литературном поприще, т. е. с 1831 года, Ж. Санд настойчиво ставит как в художественных, так и в публицистических произведениях основные социальные проблемы своей эпохи. Творить означает для Ж. Санд раскрывать перед людьми мир и человека со всеми его горестями, радостями, надеждами и страданиями. Творить для Ж. Санд – значит учить и учиться познавать мир. О чем бы Ж. Санд ни писала: о венецианских ли каналах и лагунах, о горных склонах Итальянских или Швейцарских Альп, о маленьком французском городке, куда ее случайно забрасывает судьба, Ж. Санд всегда видит перед собой ЧЕЛОВЕКА, которому природа предназначила быть свободным, счастливым, сильным, но которого социальные условия калечат, делают несчастным, вынуждают вести упорную борьбу за свою жизнь, за свое человеческое достоинство.

С юных лет будущая писательница интересуется философией, при этом всегда вопросы философские для нее неотделимы от вопросов социальных, от вопросов взаимоотношения людей, вопросов практической морали. В одном из "Писем путешественника" Ж. Санд резко нападает на немецкую философию, оторванную от действительности. Она называет ее холодной метафизикой, ложной наукой, которая ей глубоко враждебна, так как эта наука ничего не дает сердцу, не будит гуманных чувств.<sup>2</sup>

Среди учителей своей юности Ж. Санд называет Лейбница. В его философии ее увлекли два положения: 1) все явления в природе между собой связаны (мир неорганический с миром органическим) и 2) все в мире находится в непрерывном развитии.

Идеи взаимосвязи и прогрессивного развития природы и общества станут одними из основных положений социально – философских взглядов Ж. Санд.

<sup>1</sup> Письмо к М\*\*\* от апреля 1863 г. G. Sand. Oeuvres complètes. Correspondance, Quatrième édition. C. L., 1883.

<sup>2</sup> G. Sand. Lettres d'un voyageur, Paris, 1869, p. 229.

Как о любимых учителях своих юных лет Ж. Санд говорит о Франклине и о Ж. Ж. Руссо.

Веньямин Франклин – талантливый самоучка, выходец из народа, о котором с уважением упоминает как об ученом и революционере Радищев в "Путешествии из Петербурга в Москву", – привлек будущую писательницу своей борьбой против феодально-аристократического мира, против церкви, своим утверждением ценности каждого человека и уверенностью в возможности организации на земле справедливого общественного строя. Позднее, мучительно вспоминая свои романтико-индивидуалистические настроения, Ж. Санд восклицает в письме к Сент-Бёву (в апреле 1835 г.): "Я должна была бы придерживаться Франклина, который составлял мое наслаждение до 25-ти лет".<sup>1</sup>

Жан Жак Руссо – самый радикальный из французских просветителей – увлек молодую девушку своей резкой критикой современного мира лжи и насилия и утверждением, что все люди равны, что каждый человек имеет право на полноценную жизнь.

Зачитываясь произведениями великого женева, будущая писательница была поражена его глубоким проникновением в человеческое сердце, восхищена его хвалой человеческим страстям, его пониманием любви, как чувства, которое возвеличивает человека, делает его прекрасным, могучим, будит в нем лучшие стремления. Вместе с тем, к ряду положений социологии Ж. Ж. Руссо Ж. Санд подходит критически, ряд положений она развивает дальше так, как ей подсказывает окружающая жизнь.

Наиболее значительное влияние на социально-философские взгляды Ж. Санд оказал Пьер Леру. Об этом она сама неоднократно заявляет. Это влияние особенно ясно прослеживается в творчестве Ж. Санд 40-х годов (как в романах, так и в ее публицистике), т. е. в годы наивысшего подъема общественно-политической деятельности великой французской писательницы.

В социальных взглядах Ж. Санд можно наметить некоторые этапы развития. В начале своей литературной деятельности Ж. Санд, резко критикуя современный социальный строй, вместе с тем всячески отмежевывается от политической борьбы. Горячо проповедуя необходимость изменения общественных отношений, она неоднократно подчеркивает, что ничего не понимает в вопросах борьбы различных политических партий. Такой скепсис молодой писательницы по отношению к политической борьбе можно объяснить тем, что в эту пору, т. е. в начале 30-х годов, у французских народных масс не было своей политической партии, и поэтому политическая борьба представлялась Ж. Санд борьбой различных буржуазных партий, не преследующих цели коренного изменения общественных отношений. Итоги Июльской революции и политика короля-"демократа" укрепляют в ней эту точку зрения. Этому способствует также широкая пропаганда социалистов-утопистов, которые с недоверием относятся к политической борьбе. Фурье, говоря о современной общественной организации, писал: "С 1789 года она двадцать раз меняла систему управления, но этот Протей, принимающий 20 различных форм, является неизменно антиподом справедливости и разума. Всегда группа праздных людей издевается над массами, удел которых – неблагодарный труд."

<sup>1</sup>Вл. Каренин. Ж. Санд, т. 1.

А после того, как отгремела Июльская революция 1830 года, Анфантен – ученик Сен-Симона – отмечает: "Только что совершившийся переворот не заслуживает названия революции, ничто существенное не изменилось в современной социальной организации".

Относясь отрицательно к политической борьбе и революционным действиям, сен-симонисты не могут вместе с тем игнорировать революционные выступления французской демократии, французского пролетариата. В печати они откликаются на все политические выступления своей эпохи. Более того, своей резкой критикой современных общественных отношений, утверждением законности требований народных масс сен-симонисты способствуют росту в рабочих чувства недовольства, протеста и, сами того не желая, толкают их порою на решительные боевые действия. Один из сен-симонистских докладчиков в Лионе незадолго до ноябрьского восстания 1831 г. восклицает: "Неужели всегда будет нищета для тех, кто создает богатства? Как! Неужели же по-прежнему люди, живущие в безысходной нужде, будут создавать великолепные ткани для того, чтобы привилегированные классы утопали в роскоши".<sup>1</sup> Сен-симонисты безусловно сочувствовали восставшим лионским ткачам, восхищались их храбростью.

Из воспоминаний Ж. Санд мы узнаем, что будущая писательница, прибыв в Париж в 1831 г., жаждала скорей "распровинциалиться", со всем ознакомиться, стать на уровень идей и форм своего времени.<sup>2</sup> Она сразу же проявляет живой интерес к идеям утопического социализма, идеям сен-симонизма. На многочисленных лекциях, в брошюрах, в журнале "Глобус"<sup>11</sup>, в беседах с новым другом – Г. Гейне, увлеченным в ту пору сен-симонизмом, молодая писательница знакомится с идеями новой, социалистической теории.

Брошюры распространяют по Парижу не только сен-симонисты, но и члены республиканских обществ: "Общества друзей народа", "Общества Прав Человека"<sup>11</sup> и др. Газета "Трибуна"<sup>11</sup> пишет в январе 1833 года: "Париж насчитывает теперь пять больших политических ассоциаций, которые постоянно действуют на население и которые – мы можем провозгласить это с гордостью – одушевлены одним и тем же стремлением: чувства их народнические, цель – свобода и равенство, средство – республика".<sup>3</sup> Внутри республиканских обществ происходили различные дискуссии между умеренными и революционерами – "жирондистами и якобинцами", как их называли.

"Общество друзей народа"<sup>11</sup>, а затем "Общество Прав Человека" организуют секции среди рабочих. Эти секции настроены радикальнее, чем само общество. Они тоже выпускают брошюры и листовки, в которых обращаются непосредственно к рабочим, ремесленникам, крестьянам.

На многочисленных судебных процессах, организованных правительством Луи Филиппа против членов этих обществ, республиканцы из обвиняемых превращаются в обвинителей. В своих речах перед судьями Огюст Бланки, Годфруа Кавеньяк, Распайль и другие

<sup>1</sup> Цит. по Ж. Брюа. История рабочего движения во Франции, т. I, М., 1959.

<sup>2</sup> G. Sand. Histoire de ma vie, t. IV, p. 80.

<sup>3</sup> Цит. по Ж. Вейль. История республ. партии во Франции, 1906, стр. 71–72.

выступают с резкой критикой режима Июльской монархии. Они говорят от имени "пролетариев" – так они называют всех тех, кто живет исключительно своим трудом.

"Мой долг пролетария, лишенного всех гражданских прав, – заявляет Огюст Бланки, побуждает меня отвергнуть компетенцию суда, где заседают лишь привилегированные... Мы требуем, чтобы 33 милл. французов-пролетариев сами выбрали себе форму правления и назначили на основе всеобщего голосования своих представителей, поручив им составить законы."<sup>1</sup>

Очень возможно, что Ж. Санд присутствовала на этом или другом подобном процессе: во всяком случае, она бывала в клубах, где выступали члены республиканских обществ. Из выступавших она выделяет Годфруа Кавеньяка. Другие члены революционных обществ, замечает она впоследствии в романе "Орас", "были слишком заняты свержением власти... и недостаточно заняты созиданием основ республики; когда же они пытались это делать, то в результате получались скорее надуманные регламенты..." Г. Кавеньяк, говорит Ж. Санд, требовал бесплатного народного образования, всеобщего избирательного права, прогрессивного изменения права собственности. Ж. Санд приводит слова Кавеньяка: "Мы не оспариваем права собственности. Мы только ставим выше его законную волю общества руководить осуществлением права собственности во имя блага народа".

Ж. Санд и ее друзья часто употребляют слово "религия" в ином смысле, чем это слово употребляется обычно. Годфруа Кавеньяк в том выступлении, которое приводит в "Орасе" Ж. Санд, говорит: "Религия, как мы ее понимаем, есть священное право человечества. Речь идет теперь уже не о том, чтобы запугивать преступника страшной карой после смерти или обещать несчастному утешение по ту сторону могилы. В этом мире нужно установить высокую нравственность и общее благополучие – то есть равенство... Наша религия – это та религия, которая превратит ужасные тюрьмы в исправительные приюты, и которая во имя неприкосновенности человеческой личности отменит смертную казнь... Мы не принимаем веры, которая все переносит на небеса, которая равенство перед богом сводит к равенству после смерти..." В этом смысле и Ж. Санд будет часто употреблять слово "религия". Религия для нее – нравственная связь между людьми, основанная на принципах утопического социализма-коммунизма.

Брошюры и речи как сен-симонистов, так и членов республиканских обществ, а также народные выступления укрепляли и развивали в молодой писательнице критическое отношение к буржуазному миру, будили мысль в направлении искания ответа на мучившие ее социальные вопросы. Однако пока она еще недостаточно знает жизнь, общественную борьбу, не сталкивается еще непосредственно с революционными деятелями, с представителями рабочих-ремесленников. Правда, вскоре после приезда в Париж Ж. Санд начинает сотрудничать в оппозиционном журнале "Фигаро", называет себя "журнальным мастеровым", "редакторским малым" и с молодым задором сообщает своему другу Шарлю Дюверне, что за одну из ее статей, где она позволила себе осмеять буржуазную национальную гвардию,

<sup>1</sup> Л. О. Бланки. Избр. произв. Изд. Ак. Наук, М., 1952.

правительство Луи Филиппа возбудило преследование против редактора этой газеты Де-Латуш. "Я объявлю себя автором этой статьи, – пишет она Дюверне, – и пусть меня посадят в тюрьму"<sup>11</sup>. Однако в эту пору публицистическая и политическая деятельность еще не увлекают Ж. Санд. Лишь позднее растущая активность французской демократии втянет ее в политическую борьбу, и 40-е годы публицистика станет для Ж. Санд боевым оружием в повседневной борьбе за освобождение народных масс.

О социальных взглядах Ж. Санд 30-х годов мы узнаем в основном из ее романов, повестей и писем. В них она ставит социальные проблемы, пытается как-то ответить на мучившие ее и ее современников общественные вопросы. Основные из этих проблем: взаимоотношение личности и общества, брак и семья, преступление и наказание, жизнь и искусство. Рисуя современную действительность, Ж. Санд-художник нередко раскрывает социальные явления глубже, чем это сделала бы Санд-мыслитель. Своими образами и конфликтами она иногда показывает то, что еще не продумано и не осознано Санд-социологом. В введении к новому изданию своих первых романов Ж. Санд пытается отрицать наличие у нее в ранние годы творчества сознательного намерения подвергнуть буржуазную действительность серьезной критике. Однако ее современники расценивают ее произведения иначе.

Вокруг первых же романов Ж. Санд разгорается ожесточенная борьба между прогрессивными силами и консерваторами, свидетельствующая о том, что автор поднимает в своих произведениях актуальные социальные проблемы.

Ж. Санд обвиняли в том, что она является врагом всякого общества. В письме к \*\*\* от июля 1833 г. французская писательница категорически протестует против такого обвинения. Человек вне общества, пишет она, "предоставленный своим инстинктам, кажется мне не менее нелепым и отвратительным, чем человек, выдрессированный и обезличенный современным обществом".

Уже в первых своих произведениях Ж. Санд рассматривает историю человеческого общества как некий процесс, в котором одну социально-экономическую систему сменяет другая. Дворянскую культуру сменила буржуазная, для которой характерна безудержная жажда обогащения, охватившая не только буржуазию, но и часть дворянства. На пути к этому обогащению попираются все естественные человеческие чувства.

Отсутствие интереса к общественно-политической деятельности в собственном смысле этого слова, при критическом подходе к действительности, способствует углублённому изучению Ж. Санд психологии обиженного, отверженного современным обществом человека.

Из жертв современного социального строя молодой писательнице лучше всего знакома психология женщины, испытывающей на себе двойной гнет – гнет общественный и гнет семейный. Сама Ж. Санд – жертва буржуазных семейных отношений – делает героиней своего первого романа "Индиана" женщину, глубоко страдающую от законов современного брака.

Роман "Индиана", а также и последующие – "Валентина", "Лелия" и "Жак" нельзя назвать феминистическими романами в обычном значении этого слова. Ж. Санд выступает в них не только против угнетения женщины

(в романе "Жак" страдающим лицом является мужчина), а против всякого угнетения человека человеком. Буржуазный закон о семье, показывает автор, это один из многих законов современного общества, калечащих человека; и, начиная с первых своих произведений, Ж. Санд делает тему любви социальной темой.

Устами своих героев Ж. Санд утверждает, что в современном буржуазном обществе религия, закон, печать носят классовый характер, выражают интересы того класса, который их создал. С насмешкой относится Ж. Санд к политической борьбе во французском парламенте, в котором "краснобаи упражнялись в красноречии" и где "любые политические речи... имели не больше последствий, чем церковная проповедь".<sup>111</sup>

Вскрывая ложь и жестокость современной цивилизации, Ж. Санд одновременно рисует жадное стремление человека к счастью, на пути к которому общество безжалостно ставит всевозможные преграды. Как их преодолеть, она не знает. Герои, правда, мечтают об идеальной республике, говорят, что род человеческий должен в корне измениться, но все это очень неопределенно.

Ж. Санд делает попытку обосновать необходимость новых общественных отношений между людьми, опираясь на мораль "разумного эгоизма"<sup>11</sup>, которую проповедовали французские энциклопедисты. Один из героев "Индианы" говорит: "это не филантропия, а разумный эгоизм, побуждающий нас делать добро людям, чтобы помешать им вредить нам... Я эгоист... я пришел к тому выводу, что в основе всех добродетелей лежит личная заинтересованность."<sup>2</sup>

Не видя перед собой силы, которая смогла бы выступить против буржуазии, молодая писательница склонна перенести свою ненависть к законам буржуазного общества на общество вообще. В авторе происходит борьба между признанием невозможности для человека жить вне общества и стремлением противопоставить обществу яркую, сильную личность. С одной стороны, Ж. Санд критикует руссоистские мечты своей героини. Она пишет: "В своем неведении она (т. е. Индиана. – Е. П.) надеялась, что найдет там (среди дикарей, на лоне природы) добродетели, изгнанные из нашего полушария, и будет мирно жить вне всякого общественного строя"<sup>3</sup>; с другой стороны, Ж. Санд заставляет своих героев-протестантов бежать от людей (Индиану и Ральфа, Лелию и Жака).

Борьба между индивидуально-романтическими настроениями и острым ощущением невозможности для человека жить вне общества ярко выступает в романе "Лелия", а затем – в "Жаке".

В "Истории моей жизни" Ж. Санд описала впоследствии ту социально-политическую обстановку, в которой родилась "Лелия": "Республика, о которой мечтали в июле, привела к варшавской резне и бойне в ограде Сен-Мерри. Холера только что унесла десятую часть человечества. Сен-симонизм, который временно увлек воображение всех, был подвергнут преследованиям и не привел ни к чему... В моих прежних верованиях ничто не определилось еще, в смысле общественных взглядов, настолько, чтобы помочь мне бороться против катастрофы, которая привела к царству материализма (т. е. буржуазии. – Е. П.),

<sup>1</sup> См. Ж. Санд. Избр. произв., том I, "Индиана".

<sup>2</sup> Там же, стр. 85.

<sup>3</sup> Там же.

а в республиканских и социальных современных идеях я не находила достаточно света, чтобы победить тьму, которую Маммона открыто насылал на мир."<sup>1</sup>

"Лелия" – это не роман в обычном смысле этого слова. Это романтическое издание философского романа. В "Лелию" Ж. Санд вложила и свою страстную жажду знаний, и потребность подвергнуть критике окружающую действительность и найти путь к миру новых человеческих отношений. Для Ж. Санд, как это указывалось уже выше, вопросы теории и практики были неотделимы друг от друга: она хотела не только познать мир, но и изменить его, создать новый мир общественных отношений, и основной причиной страданий Лелии-Санд – натуры по природе активной, кипучей – было бездействие. Кругом – бедствия и муки, она же их только созерцает и констатирует. Мучения Лелии-Санд – это мучения тех представителей прогрессивной интеллигенции, которые еще не осознали себя связанными с народными массами. Они оказались одни, лицом к лицу со страшным, хищным буржуазным миром. Отсюда тот мрачный пессимизм, те проклятия, которые Лелия посылает обществу, ее неверие в людей, в любовь; отсюда известный отрыв героини от земной действительности и перенесение конфликта личности с окружающей средой из общественной сферы в сферу философско-космическую.

Стремясь уйти от людей, Лелия вместе с тем в беседах со своим другом Тренмором проявляет глубокий интерес к вопросам переустройства общества.

Трепмор – бывший представитель "золотой молодежи", прокутивший свое состояние и убивший свою любовницу, – попадает на каторгу, где постепенно перерождается. Служением обществу он думает искупить свои преступления перед людьми и становится карбонарием.

В беседах Лелии и Тренмора звучат идеи социалистов-утопистов о том, что общество несет ответственность за совершаемые преступления, что нужно не карать преступника, а предотвращать преступления, что нужно создать такие общественные условия, при которых богачи не могли бы безнаказанно расточать свои богатства, добытые народным трудом. Вопросы морали, религии, положения женщины в современном обществе – все те вопросы, которые так волновали Ж. Санд и ее друзей, составляют тему бесед, дум и страданий Лелии.

Пока что Санд-Лелия не видит путей разрешения "проклятых" вопросов и замыкается в мучительном одиночестве. Но пессимизм и индивидуализм не были свойственны натуре Ж. Санд, да и окружающая ее общественная борьба не могла не вывести ее из того состояния мрачного отчаяния, в которое она была временно ввергнута стечением обстоятельств как общественно-политического, так и личного характера.

Создав свое наиболее романтико-пессимистическое произведение, Ж. Санд стремится найти поддержку у социалистов-утопистов, т. е. у людей, устремленных вперед и верящих, что впереди их ждет "золотой век". Она обращается с письмом от 3/VI – 1833 года к сен-симонисту Адольфу Геру, сотруднику журнала "Глобус": "Я только что закончила книгу, названную мною "Лелия",

<sup>1</sup> G. Sand. Histoire de ma vie, t. IV, p. 112.

которая нуждается в вашей поддержке. Книга эта довольно путанная"<sup>1</sup>, – пишет она ему.

Сен-симонисты приветствовали первые произведения Ж. Санд. Анфантен с особой похвалой отзывается об "Индиане". Сен-симонисты ставили в большую заслугу Ж. Санд то, что она в своих произведениях освещает социальные раны современности и, в частности, так называемый женский вопрос.

Выступая в защиту женщин, раскрывая богатство их внутреннего мира, требуя для женщины полного равноправия с мужчинами, Ж. Санд вместе с тем отнюдь не идеализирует их. Решающим фактором в формировании женской психологии, как вообще всякой психологии, говорит Ж. Санд, являются те общественные условия, та общественная среда, в которой находится женщина. Она пишет своей приятельнице – г-же Марлиаки: "Вы верите в величие женщин и считаете, что они лучше мужчин. Я другого мнения. Находясь долго в подневольном состоянии, они неизбежно должны были приобрести черты психологии раба, и для того чтобы воспитать в них чувство человеческого достоинства, понадобится больше времени, чем для мужчин."<sup>2</sup>

Среди многочисленных выходивших в годы Июльской монархии журналов и брошюр, посвященных вопросу брака и семьи, был также журнал, издававшийся бывшей работницей Сюзанной Вуалькэн (Voilquain). В своем журнале С. Вуалькэн рассказала о том, что, когда ее муж влюбился в молодую девушку – сен-симопистку, она первая посоветовала ему сойтись с любимой девушкой. Очень возможно, что этот рассказ повлиял в известной мере на содержание романа "Жак". Герой этого романа – байроническая личность, противопоставляющая себя обществу. Этот человек, презирающий и ненавидящий современное общество и мечтающий вдали от людей найти свое счастье в любви, в конце концов испытывает горькое разочарование как в возможности построить личное счастье, так и в попытке противопоставить себя обществу. Жена его полюбила другого человека, и Жак решает уйти, не мешать их счастью.

В этом произведении Ж. Санд с особой силой подчеркивает зависимость психологии человека от среды, от воспитания, и, в частности, она говорит о пагубных последствиях современного воспитания для девушек. Жена Жака – Фернанда представляет собою обыкновенную женщину современного буржуазного общества. Она получила типичное для ее среды воспитание, т. е. ее воспитали, как куклу, и в конце концов она захотела кукольного счастья: Жак оказался для нее слишком сложным, слишком непонятным.

Трагедия Жака в том, что он жил одной только любовью к Фернанде, и отказ от нее означал для Жака отказ от жизни. Перед смертью Жак сам себе произносит общественный приговор, называя себя "лишним" человеком. В эпоху социальных кризисов, в эпоху ломки общественных отношений, говорит он, наряду с людьми, отдающими все свои силы на благо масс (это наиболее сильные люди, замечает Жак), появляются "лишние" люди (*inutiles*), которые не чувствуют себя связанными с обществом и, в случае неудачи в личной жизни, рвут с земным существованием, кончают с собой, уходят из жизни.

<sup>1</sup> G. Sand. Correspondance.

<sup>2</sup> G. Sand. Correspondance, письмо CXCV, 3/VI-1839.

Период романтико-индивидуалистического бунтарства Ж. Санд подходил к концу. Он был недолог. Впоследствии Ж. Санд рассматривала его как известное отступление от того пути, на который она вступила в юные годы.

С 1835 г. Ж. Санд вовлекается непосредственно в политическую борьбу демократических сил Франции против режима Июльской монархии. Она принимает участие в защите арестованных по так называемому процессу "Монстр" в связи с лионскими событиями. В своих воспоминаниях ("История моей жизни") Ж. Санд пишет, что борьба, разгоревшаяся тогда вокруг этого процесса, захватила самые широкие круги населения. Франция разделилась на два лагеря: на тех, кто выступал за обвиняемых, и на тех, кто был против них.

Данный судебный процесс отличался от предыдущих тем, отмечает Ж. Санд, что борьба лионских ткачей, явившаяся поводом для возбуждения этого процесса, носила более социалистический характер и имела более определенную цель, чем борьба тех, кого до тех пор привлекало к суду правительство Луи Филиппа. На прежних судебных процессах речь шла в основном об изменении форм правления. Лионцы же выдвинули проблему труда и заработной платы. Если до сих пор, говорит Ж. Санд, политические деятели увлекали за собой народ, то в Лионе сам народ увлек за собой этих политических деятелей на более решительную и грозную борьбу.<sup>1</sup>

Ж. Санд надеется, что если удастся организовать общественное мнение всей Франции, то режим Луи Филиппа с его вероломной системой провокаций рухнет. Лучшие представители французской интеллигенции выступают защитниками арестованных по апрельскому процессу, в том числе и Ж. Санд. В это время она знакомится с известным адвокатом Мишелем из Буржа, также защищающим обвиняемых по процессу "Монстр".

Мишель – выходец из народа, страстный оратор, политический деятель, представитель демократическо-социалистического лагеря – способствовал вовлечению Ж. Санд в политическую борьбу. Вместе с тем, из писем Ж. Санд и из ее воспоминаний мы видим, что Ж. Санд была далека от того, чтобы полностью согласиться с политическими взглядами Мишеля. Она вела с ним горячие споры. Мишель, пишет Ж. Санд, был сторонником идей Бабефа – Буонарроти. Буонарроти пропагандировал идеи Бабефа. О революционной литературе, сопровождавшей первое движение пролетариата, Маркс и Энгельс писали, что она проповедовала всеобщий аскетизм и грубую уравнильность. Это-то и было чуждо Ж. Санд, против этого она как раз и возражала. Не таким путем, говорит Ж. Санд, мы придем к новому общественному строю. "Я всегда признавала, – писала впоследствии Ж. Санд, – то, что тогда называли равенство благ и даже раздел имущества, т. е. то, что позднее стали выражать таким простым и ясным словом, как "ассоциация".<sup>2</sup> К насильственному же и немедленному разделу всего имущества и гражданской войне Ж. Санд относится резко отрицательно. Она говорит Мишелю о преимуществах цивилизации, а он, по ее словам, предлагает смести сначала с лица земли современную культуру –

<sup>1</sup> O. Sand. Histoire de ma vie, t. IV, p. 325 – 326.

<sup>2</sup> К. Маркс. Избр. произв., т. 1, 1949, стр. 164.

"наполнить Сену кровью и превратить Париж в развалины<sup>11</sup> и только после этого приступить к построению нового общества.<sup>1</sup>

Ж. Санд упрекает Мишеля и его сторонников в том, что у них нет ясного представления о будущем, о путях борьбы за новый общественный строй. Ж. Санд называет Мишеля художником, который живет сердцем и воображением, а не разумом. Мы должны стремиться, говорит Ж. Санд, выработать философию, которая бы объяснила по-новому как мир бесконечный, так и тот мир, в котором мы живем. Нельзя идти к людям с проповедью нового мира, когда мы сами о нем так мало знаем. Ж. Санд при этом делает небольшую попытку отойти на свои прежние романтико-индивидуалистические позиции. Она, мол, не хочет вмешиваться в борьбу, раз она не может внести в эту борьбу ясность и четкость. И тут влияние Мишеля на Ж. Санд, как она сама об этом говорит, оказалось безусловно благотворным.

Мишель внушает ей, что "истина" не приходит свыше к одному человеку, а рождается в совместной борьбе людей; нужно всем объединиться, говорит он, нужно изучить мнения всех тех, кто борется за новый общественный строй. Мишель окончательно поборол романтико-индивидуалистические настроения Ж. Санд, убедил ее, что борьба за индивидуальную свободу неотделима от борьбы за общественную свободу и что новая социальная философия, новая социальная наука должна появиться как результат борьбы всех прогрессивных сил.

В своих воспоминаниях Ж. Санд замечает, что во время апрельского процесса горячие дебаты по вопросам философии и социологии происходили как среди защитников, так и среди заключенных. Между ними разгорелся также спор по поводу самой защиты. Они высказывались против юридической защиты обвиняемых. Они предлагали организовать политическое выступление с широкой декларацией законных прав народа вообще и обвинением правительства Луи Филиппа в их нарушении. Другие, главным образом лионцы, настаивали на юридической защите, так как хотели, чтобы Франция узнала, что именно произошло в Лионе, как власти спровоцировали народ на выступление и как затем рабочие были преданы, расстреляны. Имелись определенные факты подкупов, провокаций и т. д.

Ж. Санд поддерживала последнюю точку зрения. Она считала, что в ту пору защитники были достаточно сильны, чтобы юридически защитить народ от предательства, клеветы, провокаций и проч., но не были достаточно подготовлены, чтобы выступить перед всей Францией с политической декларацией.

В своих письмах и воспоминаниях Ж. Санд несколько раз касается полемики между республиканцами и сен-симонистами, так называемыми политиками и социалистами.

В письме к сен-симонисту Геру от 9/XI-1835 г. Ж. Санд называет себя республиканкой, но замечает при этом, что и республиканцы и сен-симонисты идут к одной цели, но разными путями. Она пишет: "Робеспьер был чертовски сен-симоничен. Он был за скорое и насильственное приведение в исполнение учения. Вы стоите за медленный и евангельский ход дела. Ну, так всякий должен бы быть республиканцем в духе Робеспьера или сен-симонистом в

<sup>1</sup> G. Sand. Histoire de ma vie, t. IV, pp. 329 – 330.

духе Анфантена, согласно со своим темпераментом. Одни могли бы подрывать, другие строить. Будьте уверены, что это все будет и что между вами и нами будет тесный союз, и вы ничего не сделаете без нас“.

В этом же 1835 году Ж. Санд знакомится с сен-симонистским поэтом-песенником Венсаром и вступает в дружеские отношения с членами Парижской сен-симонистской общины, которая состояла в основном из рабочих-ремесленников.<sup>1</sup> В феврале 1836 года Ж. Санд пишет по поводу их Геру: "Я люблю ваших пролетариев, во-первых потому, что они пролетарии, а затем потому, что я полагаю, что в них зерно истины, росток будущей цивилизации"<sup>11</sup>.

Сен-симонисты пытались в своих общинах – этих оазисах в буржуазном обществе – организовать жизнь на новых началах. Ж. Санд замечает по этому поводу: "...я не могу отделить борьбу за республику от борьбы за обновление человечества; спасение человечества требует от нас – разрушать, а от нас строить – созидать... Будем работать вместе... истина – цель одна. Но она еще далека; я полагаю, что пройдут еще столетия, прежде чем нам удастся преодолеть все вредные пережитки старого"<sup>11</sup>.

Ж. Санд упрекает сен-симонистов в том, что они противопоставляют себя республиканцам. Сен-симонисты и республиканцы, говорит Ж. Санд, дети одной матери, одной идеи. Разногласия на общем фронте борьбы "между нами – посланцами войны и вами посланцами мира и любви"<sup>11</sup> могут только помешать достижению общей цели, заявляет она.

Этого же вопроса, а именно вопроса единства социалистических сил, вопроса необходимости выработать единую тактику и единую социалистическую теорию, Ж. Санд будет касаться более глубоко и подробно в своей публицистике 40-х годов.

Этот же вопрос уже с начала 30-х годов настойчиво ставит в своих работах Пьер Леру – бывший сен-симонист, публицист и общественный деятель социалистического лагеря, оказавший наиболее сильное влияние на социальные взгляды Ж. Санд в конце 30-х годов и в 40-е годы.

Ж. Санд познакомилась с Пьером Леру в 1835 г., в этом же году она познакомилась и с Ламенне – представителем так называемого христианского социализма, учение которого также оказало известное влияние на творчество Ж. Санд. Ламенне увлек Ж. Санд своей борьбой против папства, против католичества, против того, что Ж. Санд называла искажением евангельского учения о равенстве, братстве и любви. Глубоко уважая Ламенне как человека и борца, Ж. Санд вместе с тем критически подходит к его общественно-публицистической деятельности. Сообщая в письме от 25 мая 1836 года г-же д'Агу, что Ламенне собирается издавать в Париже газету, Ж. Санд замечает, что если Ламенне хочет сделать свои идеи широко популярными, то он должен пойти на ряд уступок, учитывая нашу эпоху, наши знания. "В нем, – говорит Ж. Санд, – еще слишком чувствуется священник". "Великий полководец, – добавляет она, – ничего не значит без солдат, без армии"<sup>11</sup>.

Идея приобретает ценность тогда, когда становится достоянием масс, полагает Ж. Санд.

<sup>1</sup> В их числе был Пьер Венсар (племянник песенника), который впоследствии написал "Историю труда и рабочих" и "Рабочих Парижа".

Отныне и в письмах Ж. Санд и в ее художественных произведениях, не говоря уже о публицистике кануна 1848 года, будут настойчиво звучать призывы вести среди народных масс повседневную борьбу за претворение в жизнь великих идей освобождения. Нужно организовать пролетарские массы, прислушиваться к ним, говорит Ж. Санд, ибо будущность за пролетариатом.

Ж. Санд резко осуждает сен-симонистов за то, что они отправились в Египет бороться за освобождение египтян, вместо того чтобы вести борьбу за свободу во Франции. Она снова с горечью повторяет, что не видит ни человека, ни знамени, которые могли бы сплотить всех передовых людей Франции.<sup>1</sup>

Ж. Санд спрашивает Геру о том, во что верят, что думают и чего хотят те пролетарии, которые входят в парижскую сен-симонистскую организацию. "Поскольку я могла о них судить по тому, что говорил Венсар,<sup>2</sup> – пишет Ж. Санд, – это наивные республиканцы (цвета розовой воды), хорошие люди, но слишком мягкие, слишком в евангельском духе, слишком терпеливые". Ж. Санд полагает, что будущее принадлежит "суровым, гордым пролетариям, готовым силой завоевать все права человека"/<sup>4</sup>

Народ, его современное положение и роль в общественном развитии, рабочий-ремесленник, его борьба за свое освобождение и его искания на этом пути – вот темы, с которыми мы, начиная со второй половины 30-х годов и до Февральской революции, будем сталкиваться как в художественных произведениях Ж. Санд, так и в ее публицистике и в письмах. Руководителем и учителем Ж. Санд в эти годы становится, по ее собственному неоднократному признанию, Пьер Леру.

\*   \*  
\*

Учение Пьера Леру было для Ж. Санд в течение ряда лет, примерно с конца 30-х и до конца 40-х годов, той социально-философской системой, которую она упорно искала в предшествующие годы.

Своему другу Шарлю Дюверне Ж. Санд пишет: "Я не говорю, что это последнее слово человечества, но что касается данного момента, то эта философия является выражением его наиболее передовых взглядов".<sup>4</sup> В письме к г-же Марлиани от 22/II-1839 года Ж. Санд просит ее передать Леру, что она воспитывает своего сына в духе его учения.

Однако уже в эпоху революции 1848 года Ж. Санд начинает критиковать Леру, называя его учение туманным и отвлеченным. В годы ожесточенной политической борьбы оно не дает нужных ответов на актуальные политические вопросы, замечает она.

С Пьером Леру Ж. Санд познакомил Сент-Бёв – писатель и критик, один из первых ее наставников и учителей в Париже. Когда в 1833 г., в пору создания "Лелии", Ж. Санд мучительно билась над решением различных социальных проблем, Сент-Бёв посоветовал ей почитать сочинения П. Леру и его друга – Ж. Рейно.

<sup>1</sup> Письмо к Геру от 14/II-1837 г., О. Sand. Correspondance.

<sup>2</sup> Поэт-ремесленник, сен-симонист.

<sup>3</sup> Письмо к Геру от 14/II-1837 г.

<sup>4</sup> Письмо от 27/IX-1841 г.

Он предложил ей привезти их к ней. Однако это предложение Ж. Санд отклонила. В своих воспоминаниях она говорит, что, не чувствуя себя достаточно образованной в социальных вопросах, она постеснялась вести беседу с такими эрудированными в этой области людьми.

Леру, вспоминая Ж. Санд, был тогда "самым крупным критиком в области философии истории".

Пьер Леру – рабочий-типограф, первым, как полагают, употребивший слово "социалист", – пользовался огромной популярностью в годы Июльской монархии. Автор монографии о П.Леру – Анри Мужен пишет: "... Пьер Леру в социальном движении своей эпохи пользовался большей известностью, чем Прудон или Фурье или Кабэ"<sup>1</sup>.

Гейне, живший в те годы в Париже и хорошо знавший социально-философские теории этой эпохи, замечает: "Одним из наиболее крупных философов является бесспорно П. Леру".

Энгельс рассматривал учение Леру, как одну из форм выражения пролетарского социализма в эпоху Июльской монархии. В письме к Ф. Келли-Вишневецкой от 27/1-1887 г. он говорит: "Основывая Интернационал, Маркс составил его устав так, чтобы к нему могли примкнуть все пролетарские социалисты того периода – прудонисты, пьерлеруисты и даже наиболее передовая часть английских тред-юнионов".<sup>2</sup>

В социально-философских взглядах Леру несомненно много элементов фантастики, как у всех представителей домарксовского социализма, однако сквозь эту фантастику громко слышится голос борца за освобождение народных масс, уверенно заявляющего, что строй насилия и эксплуатации падет.

Знакомясь с социально-философскими воззрениями Леру, вспоминаешь слова Энгельса об элементах фантастики в учениях утопистов XIX века. "Предоставим литературным лавочникам самодовольно перетряхивать эти, в настоящее время кажущиеся забавными, фантазии и любоваться трезвостью своего собственного образа мыслей по сравнению с подобным "сумасбродством". Нас гораздо больше радуют прорывающиеся на каждом шагу сквозь фантастический покров гениальные мысли и зародыши мыслей, которых не видят слепые филистеры.

Леру имел тех же учителей, что и Ж. Санд. Его главными наставниками были французские энциклопедисты Жан Жак Руссо и Сен-Симон. В его социальной теории материалистические положения тесно переплетаются с идеалистическими.

Для П. Леру, так же как и для Ж. Санд, вопросы теории и практики представлялись неразрывно связанными. Самые отвлеченные и фантастические построения Леру имели всегда конечной целью доказать закономерность и логичность наступления на земле царства социальной справедливости и всеобщего счастья.

Именно потому Ж. Санд и увлеклась доктриной П. Леру, что встретила в нем мыслителя, родственного ей во многих отношениях.

В своих работах П. Леру затрагивает самые разнообразные проблемы. Одним из центральных вопросов его доктрины является

<sup>1</sup> Henri Mougin. Pierre Leroux, Paris. 1938, p 11.

<sup>2</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. письма.

<sup>3</sup> К. Маркс. Избр. произв. в 2 -х томах, т. 1, 1949, стр. 180.

вопрос о взаимосвязи всех явлений мира, как физического, так и социального. Вторым основным вопросом является вопрос о прогрессивном развитии всего сущего: природы и общества.

Когда в 1830 году началась дискуссия между Жоффруа Сент-Илером и Кювье по вопросу развития живых существ на земле, П. Леру горячо поддерживает Жоффруа Сент-Илера, защищавшего идею единства животного мира. Человека Леру считает "животным, перерожденным разумом и тесно связанным со всем человечеством".

Выступая с резкой критикой пресловутой теории Мальтуса о перенаселении, Леру отрицает самую возможность перенаселения. Он утверждает существование в мире вечного круговорота материи. Одним своим удобением, говорит Леру, человек в достаточной мере обеспечивает себе пропитание. Нищета и безработица не являются следствием действия закона природы, как пытался доказать Мальтус, а есть следствие социальных, экономических причин, заключает П. Леру.

Утверждая единство всей природы – мира неорганического и мира органического, П. Леру из этого материалистического положения делает чисто идеалистический вывод об одухотворенности всей природы и развивает теорию бессмертия каждого человека, принимающего в своей вечной жизни на земле, в своем вечном движении к прогрессу самые разнообразные формы.

Леру критикует тех философов, социологов, которые рассматривают человека, как обособленную единицу. Человек, семья, нация – это тесно связанные между собой части единого целого – человечества. Это свое положение Леру хочет подкрепить фантастической теорией переселения душ. Его утверждение, что современные люди – это те люди, которые жили в прошлом и будут жить в будущем, имело целью показать прямую заинтересованность людей в борьбе за лучший социальный строй. Фантастические картины метампсихоза служат Леру для того, чтобы доказать, что "рай", всеобщее счастье ждут людей не на небе, а на земле.

П. Леру твердо убежден в прогрессивном развитии человечества, причем это движение вперед не является для Леру каким-то фатальным, не зависимым от людей процессом, а является результатом их сознательных усилий, результатом их борьбы и труда. Поэтому каждый человек морально обязан работать и бороться для быстреего завоевания нового, свободного общественного строя. В этом строе он кровно заинтересован, ибо его благами он будет пользоваться, если не в этом своем воплощении, то в следующем.

Прогрессивное развитие человечества есть развитие в сторону максимального удовлетворения материальных и духовных потребностей каждого человека, говорит Леру.

Все народы потенциально равноценны, хотя в определенный момент то один, то другой может оказаться в авангарде человечества. Ж. Санд, например, под влиянием этой концепции Леру утверждала, что будущее за славянами, что французов, которые до сих пор шли в авангарде борьбы за прогрессивные идеалы и которых она и ряд ее современников называют *le Christ des nations* (Христом наций), сменят в скором времени славяне.

Наряду с фантастическими элементами мы встречаем в произведениях Леру верный и глубокий анализ общественных отношений.

Роже Гароди – современный французский историк, публицист – в своей работе "Французские источники научного социализма"<sup>1</sup> в главе о Пьере Леру отмечает, что хотя Пьер Леру и не понял роли пролетариата как могильщика капитализма, он, вместе с тем, правильно определил экономический характер современной классовой борьбы. Леру в "Ревю энциклопедий" писал: "Современная борьба пролетариев против буржуазии является борьбой тех, кто не владеет орудиями труда, против тех, кто ими владеет." ("La lutte actuelle des proletaires contre la bourgeoisie est la lutte de ceux qui ne possèdent pas les instruments de travail contre ceux qui les possèdent").

Наряду с отвлеченными социально-философскими проблемами Леру живо интересуется и конкретными вопросами политической и экономической борьбы. В своих работах он ставит такие вопросы, как: объединение рабочего класса, создание организации, защищающей интересы рабочих, интересы народа; отношение рабочих к существующей республиканской партии, к представителям буржуазной демократии; расширение тайных республиканских обществ за счет широкого привлечения в них представителей рабочих, представителей народных масс; создание ассоциаций, в которых рабочие были бы хозяевами орудий труда; выработка пролетариатом своей политической программы, трактующей как вопросы социальной теории, так и вопросы политической борьбы, борьбы за демократическую республику.

Анри Мужен пишет: "В республиканской партии Пьер Леру работает над программой пролетариата и над объективными условиями ее реализации".<sup>2</sup>

А сам Леру писал впоследствии: "Я старался объяснить формулой Республики то, что хотели сказать Сен-Симон, Ж. Ж. Руссо и Оуэн... Над этим синтезом я работал более, чем кто бы то ни было"<sup>3</sup>.

Под пролетариатом Леру, как и его современники, подразумевает всех людей, живущих на средства, добытые собственным трудом. В своей книге "О плутократии" Леру пишет, что хочет показать "эту огромную массу нации, скрытую за третьим сословием, которую называют пролетариатом".

Иногда вместо слова "пролетарий" Леру употребляет слово "рабочий". Противопоставляя рабочих буржуазии, Леру одновременно подчеркивает колеблющуюся позицию мелкой буржуазии – хозяйчиков. Он пишет в 1833 г.: "Мелкие хозяйчики то примыкают к богачам, то к рабочим, в зависимости от того, хорошо или плохо идут их дела".

А. Мужен называет Леру "Руссо своего века". Сам Леру считает себя сыном Конвента, хотя и критикует Конвент за некоторые стороны его политики. Указывая, например, на дробление земельной собственности в современной Франции и подчеркивая тяжелое положение крестьян – бедняков в деревне, Леру бросает Конвенту упрек в том, что, конфисковав у феодалов и церкви землю, он не дал ее в общее пользование крестьянам.<sup>4</sup>

<sup>1</sup> Oaraudy R. Les sources françaises du socialisme scientifique, Paris, 1949.

<sup>2</sup> Henri Mougin. Pierre Leroux, Paris, 1938, p. 34.

<sup>3</sup> Там же. Esperance, p. 172.

<sup>4</sup> Там же. Revue Encyclopedique, X – XII, 1833, p. 119.

Леру, так же как Руссо и Робеспьер, – убежденный сторонник народовластия. Он требует всеобщего избирательного права и выступает за демократическую и социальную республику.

Во время революции 1848 г. Леру избирается депутатом от департамента Сены в Национальное Собрание, где примыкает к крайней левой группировке, к так наз. "Горе".

Личное знакомство Ж. Санд с Пьером Леру произошло в 1835 г., но с некоторыми его произведениями она была знакома раньше. Она читала и "Глобус", и "Ревю энциклопедик", и другие журналы, где печатались статьи П. Леру. Его основные произведения вышли позднее, но некоторые из них представляли собою перепечатку ранее изданных работ.<sup>1</sup>

В большом письме к Ш. Дюверне от 27/IX-1841 г. Ж. Санд пишет: "Во времена моего скептицизма, когда я писала "Лелию", погруженная в страдания и сомневающаяся во всем, я преклонялась перед добротой, простотой, знаниями и глубиной Леру, но я не была убеждена в истинности его учения".

В конце письма Санд замечает, что вот уже пять лет, как она изучает Леру – его и его произведения – и что если в ней есть что-нибудь хорошее, то этим она обязана П. Леру.

Многое в учении П. Леру увлекало Ж. Санд. Это учение помогло ей постепенно уложить в известную систему те взгляды, которые в ней уже зрели. Одновременно, как уже говорилось, Ж. Санд познакомилась еще с двумя общественными деятелями той эпохи – Ламенне и Мишелем, заставившими ее серьезно задуматься над социально-политическими проблемами. Но последним толчком на пути Ж. Санд к доктрине Леру было сближение французской писательницы с представителями французского народа, с рабочими, ремесленниками.

Учение Леру о народовластии, о необходимости объединения рабочих-ремесленников для выявления их специфических интересов и защиты их перед другими классами становится особенно близким и понятным Ж. Санд после знакомства с Агриколем Пердигье – рабочим-столяром, публицистом и борцом за объединение компаньонажей, а также с рабочими-поэтами Пеней, Жильяном, Магю, Понги и другими.

Уже в начале своей литературной деятельности Ж. Санд, рассматривая общество в его развитии, подчеркивает тот факт, что феодальную культуру сменила буржуазная. Теперь, к концу 30-х годов, под влиянием активизации народных масс (борьбы народа против реакционного буржуазного правительства) и в результате сближения с представителями рабочего класса, Ж. Санд утверждает, что буржуазная культура, как некогда феодальная, вступила в полосу кризиса. На смену ей идет новая культура – культура народных масс. Не понимая законов общественного развития, Ж. Санд, вместе с тем, верно схватывает основную линию этого процесса. В народе зерно будущего, говорит она. При этом Ж. Санд имеет в виду беднейшую, рабочую часть народа.

<sup>1</sup> "Опыт о равенстве", 1838 г.; "О человечестве, его принципах и его будущем", 1840; "Опровержение эклектизма", 1841; "О плутократии", 1848; "Мальтус и экономисты", 1849 и др.

Ж. Санд видит процесс капитализации деревни, видит появление в деревне кулаков-эксплуататоров, и все ее симпатии на стороне крестьянина-бедняка. Рабочие крупных промышленных предприятий не привлекают особого ее внимания, но мы встречаем в публицистике и письмах Санд отдельные мысли о том, что в будущем пролетариат крупных городов сыграет решающую роль в боях за новый общественный строй.

Две ведущие темы проходят красной нитью через ее социальные романы этого периода: тема народа и связанная с нею тема труда. Говоря о социальных взглядах Ж. Санд после 1835 года, т. е. после ее приобщения к политической борьбе, коснемся бегло ее художественных произведений и остановимся затем на ее публицистике, связанной с общественно-политической деятельностью кануна революции 1848 года и периода самой революции.

"Борьба за народ" в художественных произведениях Ж. Санд идет в основном по линии противопоставления в различных планах людей из народа людям других классов общества.

Ж. Санд как-то сказала Бальзаку, что она изображает людей такими, какими она хотела бы их видеть. Этот прием обрисовки героев относится к людям из народа – рабочим, ремесленникам, крестьянам и к тем выходцам из других классов, которые выступают борцами за новое общество.

В людях из народа Ж. Санд стремится подчеркнуть те черты, которые, с ее точки зрения, должны характеризовать человека будущего социалистического общества, прежде всего – готовность принести свои личные интересы в жертву интересам народа, коллектива.

Далеко не всех представителей народа наделяет Ж. Санд положительными чертами. Например, сестры рабочего Арсена из романа "Товарищ круговых путешествий" проявляют себя как типичные буржуазки: они алчны, скупы, изворотливы. Ж. Санд отмечала не раз, что гниющая буржуазная культура заражает своим ядом и известные слои народа. Воспитание и среда формируют человека, подчеркивает автор. Только своих главных героев из низов Ж. Санд делает носителями морали будущего.

Создавая образ борца за социалистическое общество, Ж. Санд колеблется между образом мягкого, несколько сентиментального человека, стремящегося избежать кровопролития, и образом сурового пролетария – потомка якобинцев (Поль Арсен и Пьер Гюгенен, с одной стороны, и старый слесарь и Ватландец, с другой)<sup>1</sup>. Причем последний тип пролетария нарисован в основном только несколькими штрихами.

В эволюции образа человека из народа в художественных произведениях Ж. Санд ярко сказалась эволюция ее социальных взглядов.

Из разочарованного романтического героя, страстного, но не имеющего определенных убеждений и пребывающего в бездействии, каким был Бенедикт в ее раннем романе "Валентина", сын народа превращается в адвоката Симона – республиканца, воспитанного в духе якобинских традиций, а затем в мудреца – крестьянина Пасьянса, смелого проповедника высоких гуманистических идеалов кануна революции 1789 года.

<sup>1</sup> Ж. Санд. Товарищ круговых путешествий.

После сближения с представителями новой интеллигенции, с культурными рабочими-ремесленниками Ж. Санд пишет романы "Товарищ круговых путешествий" и "Орас", где положительными героями выступают рабочие-ремесленники – будущие участники революции 1848 года.

Герой романа "Товарищ круговых путешествий" – столяр Петр Гюгенен, интеллигентный рабочий, мучительно задумывается над вопросами, стоящими тогда перед рабочим движением в целом и разрешенными только Марксом и Энгельсом. "Он (т. е. Петр Гюгенен. – Е. П.), – пишет Ж. Санд, – жадно стремился понять великую тайну строения общества и возникновение различных каст".<sup>1</sup>

Петр Гюгенен – член одного из компаньонажей – со всей решительностью выдвигает вопрос о необходимости всем враждующим между собой ремесленным союзам объединиться для успешной борьбы против капиталистической эксплуатации. Ж. Санд показывает, что ремесленники желают уяснить себе свои специфически рабочие интересы. Она рисует, с одной стороны, растущее недоверие рабочих к либералам, к буржуазным демократам, а с другой стороны – страх последних перед растущей силой рабочих накануне Февральской революции.

В романе "Орас" Ж. Санд рисует светлый образ рабочего Поля Арсена, сражающегося на баррикадах за народную республику в июне 1832г. и тяжело раненного во время известной резни у монастыря Сен -Мерри. В этом произведении Ж. Санд как бы сталкивает два мира, две культуры. Рабочего Поля Арсена автор противопоставляет юноше из буржуазной среды – фразеру, краснобаю, эгоисту Орасу. Орас – характерный представитель буржуазной индивидуалистической культуры. Он вышел из среды той мелкой буржуазии, про которую Пьер Леру тогда писал, что она вечно колеблется, склоняясь то на сторону буржуазии, то на сторону пролетариата.

Противопоставление человека из народа, человека грядущей культуры, человеку из буржуазной среды автор дает в основном по трем линиям: отношение героя к народу и общественной борьбе, отношение героя к женщине и вопросам любви и отношение героя к труду и искусству.

Если Арсен живет для других, для народа, то Орас живет для себя. Орас – человек красивой, подчас революционной фразы, но не дела. В эпоху сплочения французского рабочего класса перед лицом наступающей буржуазии важно было установить, на кого можно положиться в борьбе и кто может изменить. Интересы французского народа требовали разоблачения и резкой критики таких типов, как Орас, таких "попутчиков" французской революционной демократии, которых революционная волна временами подхватывала и увлекала за собой, но в которых быстро одерживала верх буржуазная психология; испугавшись рабочих и революции, они их быстро предавали. Герцен писал: "Орас – главный виновник бедствий, обрушившихся на Европу в последнее время. Он увлек своими фразами массы так, как увлек Марту в романе для того, чтобы предать их первой опасности".<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Ж. Санд. Товарищ круговых путешествий, ГИХЛ, 1931.

<sup>2</sup> А. И. Герцен, т. VIII, изд. Лемке, стр. 349.

Народ интеллектуально вырос, утверждает Ж. Санд. Устами рабочего Арсена она бросает упрек республиканским вождям за то, что они не учитывают духовных запросов рабочих, говоря лишь об удовлетворении их материальных потребностей. Швее Эжени, рабочий Арсен, как и другие представители французского рабочего класса, жадно тянутся к знанию, посещают собрания, организуемые социалистами – утопистами, слушают выступления республиканских вождей, задумываются над теоретическими проблемами. Они хотят, говорит Арсен, найти философское оправдание своей борьбы.

Герои из народа в романах Ж. Санд – это не забытые страданиями несчастные существа, вызывающие в нас чувство жалости,<sup>1</sup> а представители той силы, которая сокрушит буржуазный мир, уничтожит капиталистические отношения. Именно поэтому Ж. Санд и наделяет своего борца за новый строй высокими моральными качествами, духовной красотой.

В романе "Мельник из Анжибо", появившемся через несколько лет после "Ораса", Ж. Санд касается чрезвычайно важной социальной проблемы, а именно, вопроса капитализации французской деревни. Ж. Санд рисует расслоение деревни, показывает процесс становления деревенского кулака. Алчный, ловкий и хитрый Бриколен быстро богатеет, скупает землю разоряющихся помещиков, всячески эксплуатирует крестьян – бедняков. Бриколен – типичный представитель буржуазного мира с его безграничным эгоизмом и хищничеством – становится большой экономической силой в деревне. Но Ж. Санд твердо убеждена, что человечество в своем развитии сумеет победить этих хищников. Автор противопоставляет Бриколену крестьянина – бедняка – мельника Луи. Этого бедняка Ж. Санд делает носителем новой культуры, проповедником новых общественных отношений. Луи не боится Бриколена. В этом крестьянине-бедняке чувствуется большая внутренняя сила, гордость человека, убежденного в правоте своих взглядов. Луи замечает: "Говорят, что за последние 50 лет мир сильно изменился; а я считаю, что ничего не изменилось кроме понятий нашего брата – бедняка. Мы не желаем больше жить в подчинении ... но богачи и дворяне остались при тех же понятиях, что и раньше".<sup>2</sup>

Выражая устами своего главного героя – мельника Луи благородные мечты беднейшего крестьянства о новых социальных отношениях, Ж. Санд, вместе с тем, подчеркивает, что ум бедняка, ум неимущего часто "окутан темными и ложными понятиями" в силу его угнетенного положения.

И в этом романе Ж. Санд снова поднимает вопрос о необходимости разработать социальную теорию о построении будущего общества, о коммунизме. Один из героев этого произведения – Анри Лемор, отказавшийся от наследства, оставленного ему отцом – торговцем, и поступивший в мастерскую простым рабочим, замечает: "Возникло учение о разделении имущества, которое приобрело представителей... В идее допускают, что может существовать община, основанная на высоких и благих началах, но законы ее еще не созданы.

<sup>1</sup> Таким изображали народ в ряде произведений той эпохи.

<sup>2</sup> Ж. Санд. Избранные сочинения, т.2, "Мельник из Анжибо", М., 1950, стр. 45.

Ведь нельзя опять начинать с небольшой общины первых христиан, необходимо разработать теорию, но ее нет, и люди не расположены принять это учение".<sup>1</sup>

Новый мир будет создан людьми труда, и Ж. Санд, восхваляя труд, особенно подчеркивает вместе со всеми социалистами своего времени радостный характер коллективного труда в будущем социалистическом обществе. Лемор говорит мельнику Луи: "Труд сам по себе прекрасен и святое дело!.. Мне было радостно работать для того, чтобы накормить мою возлюбленную. Насколько же сладостней будет работать еще и для того, чтобы дать пищу великой семье, где все братья и все равны между собой! Когда один будет работать для всех и все для одного, как легко будет переносить усталость, и как прекрасна станет жизнь!"<sup>2</sup>.

Автору ненавистен подневольный труд, и много гневных страниц посвятила Ж. Санд обличению эксплуатации человека человеком. С этой темой мы сталкиваемся и в следующем ее социальном романе – "Грех господина Антуана".

В этом романе автор снова ставит целый ряд интересных социальных проблем. Ж. Санд указывает на эксплуататорскую сущность капитализма. Частным путем, т. е. без обмана, без эксплуатации чужого труда, утверждает она, нельзя составить себе состояние. Автор рисует крупного провинциального промышленника – Кардонне. Ремесленник Жан Жаплу говорит о нем: "Ведь он из простого звания, как и я, а смотрите, куда залетел". Автор подчеркивает, что богатство таких промышленников, как Кардонне, растет за счет разорения мелких предприятий. Капитал постепенно подчиняет себе все, говорит Ж. Санд. "... все у меня в кулаке, – рассуждает Кардонне. – от префекта департамента до деревенского священника, и от священника до последнего нищего..."<sup>3</sup>.

Кардонне хочет подчинить себе не только людей, но и природу. Он задумал построить большую плотину через реку. Кардонне говорит г-ну Антуану: "... при крупных затратах, сударь, можно обуздать неукротимые силы природы. Где погибнет жалкая деревенская мельница, там выстоит мощная фабрика/. В связи с этим Ж. Санд ставит вопрос о границах возможности покорения природы капиталистом и о перспективах развития науки и техники.

Кардонне не просто эксплуататор, он пытается выступить с апологией капитализма, он пытается доказать ту пользу, которую несет с собой человечеству капитализм. "Разве мы не даем ежедневно работу большему числу людей, чем давали ее за целый месяц земледелие и мелкие варварские промыслы, которые я постепенно уничтожу",<sup>4</sup> – восклицает он.

Кардонне поет хвалу сильному, ловкому, не знающему жалости человеку. "Наш век всем своим развитием обращен к промышленности, – говорит он – ... Наполеон покорил Европу и он удержал бы ее, будь он не воином, а промышленником."<sup>5</sup> Кардонне заключает,

<sup>1</sup> Ж. Санд. Избранные сочинения, т.2, "Мельник из Анжибо", М., 1970, стр. 124.

<sup>2</sup> Там же, стр. 155.

<sup>3</sup> Там же, "Грех г-на Антуана".

<sup>4</sup> Там же, стр. 275.

<sup>5</sup> Там же, стр. 360.

<sup>6</sup> Там же, стр. 362.

что его идеал "недалек от сен-симонизма": "От каждого по его способности, каждой способности по ее делам"<sup>1, 1</sup>

Представителем передовой идеологии в этом романе выступают не рабочий – ремесленник или крестьянин – бедняк, а сын фабриканта Кардонне – Эмиль и г-н Буагильбер, защищающий коммунистические идеи. Эмиль резко возражает против формулы своего отца: "От каждого по его способности, каждой способности по ее делам". "Знай же, – восклицает Эмиль, – формула эта порочна, ибо она неполна, и если к ней не добавлено: "Каждому по его потребности", – она утверждает несправедливость, право сильнейшего разумом и полей, то есть господство аристократии и привилегий под иной личиной".<sup>2</sup>

Эмилю глубоко враждебен "труд ради стяжания". В этом произведении Ж. Санд снова вместе с фурьеристами и другими социалистами – утопистами поет гимн свободному труду, науке и технике, поставленным на службу свободному человечеству. Эмиль хотел бы стать естествоиспытателем или агрономом, ибо это "значило бы найти подлинно практическое применение моим знаниям",<sup>3</sup> – говорит он. "Земледелие находится еще в младенческом состоянии, крестьянин по старинке надрывается в непосильном труде, огромные земельные участки остаются невозделанными. Наука удесятит богатство почвы и облегчит утомительный труд человека ... Когда-нибудь, где-нибудь в пустынной и голой степи, преображенной моими усилиями, я основал бы колонию свободных людей, живущих по-братски и любящих меня как брата",<sup>4</sup> – мечтает Эмиль.

Но одному человеку, пусть и такому богатому промышленнику, как Кардонне, не одолеть силы природы, показывает Ж. Санд. Для действительного преобразования природы нужны огромные средства, необходимо содружество ученых разных специальностей, нужны средства, "которые превосходят возможности отдельного капиталиста".<sup>5</sup> Такими средствами будет располагать общество будущего.

Помещик Буагильбер завещает свои обширные земельные владения Эмилю и Жильберте для организации гам после его смерти сельскохозяйственной коммуны. "Я свято верю в наступление того дня, когда мои владения преобразуются свободным трудом множества разумных людей, – говорит Буагильбер, – я попытался бы, если бы мог, основать настоящую коммуну. Но попытки мои оказались бы тщетными, я потерпел бы неудачу... умы недостаточно зрелы, сердца не подготовлены. Я вижу земли и сильные руки, но не вижу души, освобожденной от всевластного себялюбия, которое царит над миром. Нужно какое-то время, Эмиль, дабы созревшая идея распространилась среди людей, и ждать этого не так долго, как думают",<sup>6</sup> – заключает маркиз.

И снова Ж. Санд ставит вопрос о том, что для создания нового общественного строя необходимо знание общественных законов. Буагильбер, обращаясь к Эмилю, говорит:

<sup>1</sup> Ж. Санд. Избр. соч., т. 2, 1950, "Грех г-на Антуана", стр. 362.

<sup>2</sup> Там же, стр. 363.

<sup>3</sup> Там же, стр. 358.

<sup>4</sup> Там же, стр. 359.

<sup>6</sup> Там же, стр. 491.

<sup>7</sup> Там же, стр. 428.

"Вам нужно знание общественных законов, и вы приобретете его долгим упорным трудом, опираясь на силы вашего века".<sup>1</sup>

Перед Ж. Санд, внимательно изучавшей в эти годы различные социальные теории, стоит еще много нерешенных вопросов. Устами маркиза Ж. Санд говорит о социальных теориях, "неуязвимых в их критической части, но туманных и незавершенных в принципах организации. Лишь пять – шесть лет назад, – замечает маркиз, – я... согласился с принципами социальной революции... Постепенно гипотезы коммунизма высвобождались из-под окутывавшего их тумана"<sup>2</sup>. "Из принципа равенства прав, который провозглашали люди разных времен и разных стран, – говорит маркиз Буагильбер, – строго и неизбежно вытекала необходимость равенства благ"<sup>3</sup>.

Утверждая, что социальная истина должна сбросить ту смешную оболочку, в которую она порой рядилась и рядится, и стать достоянием науки, Буагильбер – Санд вместе с тем чисто идеалистически доказывает наступление коммунизма: коммунизм наступит тогда, полагает маркиз, когда люди поймут его разумность, поймут, что коммунистический строй обеспечит всеобщее процветание.

В этом произведении Ж. Санд нарисовала яркую фигуру сельского ремесленника Жана Жаплу – одного из многих кустарей, которые ненавидели разоряющий их капитализм, но которые не хотели вмешиваться в общественную борьбу. Жаплу от природы умный, талантливый человек, "один из тех, – говорит Ж. Санд, – у которых наблюдательность и логика заменяют знание"<sup>4</sup>.

Ремесленник Жаплу протестует против техники, обезличивающей человека. Это – "свободный художник". Он не желает идти работать на фабрику к Кардонне. "Я свою душу не продам за такую нудную и дурацкую работу,"<sup>5</sup> – говорит он фабриканту.

Жан Жаплу – не Пьер Гюгенен и не Поль Арсен. Он не собирается организовывать ремесленные союзы, как Пьер, и не сражается на баррикадах, как Поль. Жан Жаплу – индивидуалист, протестант-одиночка. Он говорит Эмилю: "... я никогда не говорил вам, сынок, что надеюсь дожить до той поры (т. е. до свободного общественного строя. – Е. П.). Если такое и возможно, оно еще очень далеко и я, человек, привыкший к тяжелому труду, молю всевышнего, чтобы мы оставались такими, какие есть, а богачи не смели бы ухудшать нашу долю... я не забиваю мозги политикой, я в ней ничего не смыслю, – но не желаю, чтобы меня слопали..."<sup>6</sup>.

Если бы Ж. Санд показала, как Жана Жаплу "слопали", в той или иной форме, то этот образ был бы более закончен, стал бы типичным, ярко отразив социальные процессы той эпохи.

В начале 40-х годов Ж. Санд пишет свой наиболее популярный роман "Консуэло" и его продолжение – "Графиня Рудольштадт". Основная тема этих произведений – роль и задача искусства в человеческом обществе.<sup>7</sup>

<sup>1</sup> Ж. Санд. Избр. соч., т. 2, 1950. "Грех г-на Антуана", стр. 581.

<sup>2</sup> Там же, стр. 397.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же, стр. 492.

<sup>5</sup> Там же, стр. 299.

<sup>6</sup> Там же, стр. 513.

<sup>7</sup> Так как эстетической борьбе Ж. Санд посвящается особая статья, то в данной работе об этих романах речь идти не будет.

В 40-е годы разворачивается публицистическая деятельность Ж. Санд.

В неизданном письме к неизвестному начинающему писателю Ж. Санд советует не искать в рамках романа решения неясных еще для автора вопросов социально – политической борьбы, т. е. не делать тою, что она сама часто делала, добавляет она.<sup>1</sup> Волнующие писателя социальные проблемы должны стать предметом открытой полемики, широкого обсуждения; в чисто же художественных произведениях, заявляет Ж. Санд, мировоззрение писателя должно найти отражение в виде ясных, определенных идей. "Постарайтесь овладеть тем художественным мастерством, которым я не обладала, – продолжает Ж. Санд, – а именно, умением заставить читателя мыслить так, как вы мыслите, без того, однако, чтобы читатель знал ваш образ мышления".

В конце 40-х годов Ж. Санд пишет сельские повести – деревенские идиллии, где отказывается от изображения острой социальной борьбы, которую она до сих пор показывала в романах и повестях, но, с другой стороны, она выступает со своими замечательными публицистическими статьями, насыщенными актуальнейшими социально-политическими вопросами. В этих статьях Ж. Санд непрерывно подчеркивает ожесточенную классовую борьбу, которая в те годы развернулась в деревне и городе. Таким образом, говорить о спаде революционных настроений и потере социальной зоркости Ж. Санд, базируясь на ее сельских повестях, никак нельзя. Вторая половина 40-х годов и годы Февральской революции – это годы наивысшего подъема общественно-политической деятельности Ж. Санд.

Ж. Санд по-прежнему считает, что литература призвана воспитывать, учить народ, будить в нем передовые идеи, и этим задачам она подчиняет теперь свою публицистику.

Публицистические статьи Ж. Санд написаны для широких народных масс, понятным для народа, ясным, образным языком.

Ж. Поль-Бонкур в статье "Ж. Санд – политический деятель",<sup>2</sup> замечает, что почти совершенно нет работ, посвященных общественно-политической деятельности Ж. Санд. Буржуазия, реакция постарались осмеять эту сторону деятельности Ж. Санд. А между тем, говорит Поль-Бонкур, читая ее политические статьи, поражаешься прекрасному знанию действительности, твердости, определенности суждений. Познакомившись со всеми документами, относящимися к общественной деятельности великой французской писательницы, Ж. Поль-Бонкур был поражен той важной политической ролью, которую она сыграла в эпоху Февральской революции.

Несколько небольших статей, посвященных общественно-политической борьбе Ж. Санд, были напечатаны в 1954 году во французском журнале "Европа" в связи со 150-летием со дня рождения писательницы.

На русский язык публицистика Ж. Санд до сих пор не переведена, и, насколько нам известно, имеется лишь одна статья о публицистике Ж. Санд – Е. Шварцмана, появившаяся в 1955 г. в "Ученых записках"<sup>1</sup> как Львовского, так и Казахского университетов.

<sup>1</sup> Biblio № 9, 1954, Lettre de G. Sand a un jeune etudiant présentée par André Maurois.

<sup>2</sup> Riblio № 9, 1954, G. Sand – Homme politique par J. Paul-Boncour.

Еще в 30-е годы Ж. Санд выступила с художественной публицистикой, как автор упоминавшихся выше "Писем путешественника", посвященных в основном вопросам искусства и литературы.<sup>1</sup> В 40-е же годы Ж. Санд показывает себя мастером политической прозы, это годы развития ее журналистской деятельности.

Положение рабочего класса к концу царствования Луи Филиппа все ухудшается, растет стачечное движение<sup>2</sup>, и среди пролетариата, как говорилось выше, широко распространяются коммунистические идеи. Ряд журналов и газет защищают на своих страницах идеи коммунизма.

Журналистская деятельность Ж. Санд разворачивается с начала 40-х годов. В 1841 году вместе с Пьером Леру она начинает издавать "Независимое обозрение". Энгельс писал: "Рост коммунизма приветствовался наиболее крупными умами Франции. Метафизик Пьер Леру, мужественная защитница прав женщины Ж. Санд... и многие другие более или менее склоняются к коммунистическому учению". В журнале "Независимое обозрение" Энгельс заметил, что он "защищает основные положения коммунизма с философской точки зрения". В этом журнале Ж. Санд печатала как свои романы ("Орас", "Консуэло", "Графиня Рудольштадт"), так и различные статьи.

В 1843 г. Ж. Санд, давно пропагандировавшая необходимость издания в провинции демократической газеты, которая бы защищала интересы трудового народа, приступает к изданию у себя на родине, в Берри, журнала "Эндрский просветитель", где появляются ее основные публицистические статьи кануна Февральской революции. В 1844 году Ж. Санд начинает сотрудничать в газете "Реформа" – органе Ледрю-Роллена, Луи Блана и других республиканцев – социалистов. В этой газете Ж. Санд также печатает как свои романы, так и публицистику. В годы Февральской революции Ж. Санд принимает самое активное участие в развернувшейся политической борьбе. Она пишет политические брошюры, статьи, сотрудничает в газете "Истинная республика" Т. Торе, чрезвычайно популярной тогда в демократическом лагере, организует издание газеты "Дело народами редактирует "Правительственный бюллетень", выступая вместе с Барбесом, Бланки, Коссидьером, Луи Бланом и другими представителями крайней левой в республиканском Временном Правительстве.

После июньских событий 1848 года, после поражения революции и торжества реакции, публицистическая деятельность Ж. Санд значительно ослабевает. Хотя Ж. Санд и отходит от активной политической жизни, она не отрекается от звания коммунистки. О ее политических и социальных взглядах в эти годы мы узнаем в основном из ее писем. После декабрьского переворота, в обстановке глухой реакции, Ж. Санд упорно борется за амнистию, за смягчение участи высланных и заключенных, поддерживает их морально (в письмах), а часто и материально.

Большая часть публицистических статей Ж. Санд представляет собою образец художественной публицистики, где автор высказывает свои мысли устами вымышленных героев – рабочих и крестьян,

<sup>1</sup> О них речь будет идти в статье "Эстетическая борьба Ж. Санд."

<sup>2</sup> Напр., крупная стачка шахтеров в Рив де Жье в 1844 г.

либо в форме беседы, либо в форме переписки. Своих героев Ж. Санд индивидуализирует. Каждый говорит своим особым языком. Ж. Санд тонко подмечает характерные черты психологии людей разных классов. Нередко автор выступает от имени некоего Блез Бонена – крестьянина – бедняка, трезво и критически оценивающего действительность и проповедующего коммунизм. Временами Ж. Санд прибегает к персонификации. В ее статьях выступают буржуазия, народ, крестьянство, и речь их тогда звучит большей частью патетически. Иногда сама Ж. Санд обращается к ним, и ее выступления также проникнуты характерным для романтического стиля пафосом. Все эти приемы Ж. Санд применяет для того, чтобы сделать свою мысль более понятной, ясной, доступной рабочим и крестьянам, для которых в основном эти статьи писались. Ж. Санд в своей публицистике предстает перед нами талантливым народным агитатором.

Часто говорили и говорят еще и теперь об идеализации Ж. Санд народа -рабочих и крестьян. Однако, после исследования ее публицистики создается совсем иное впечатление. Прежде всего становится более понятным, почему и каким образом Луи Наполеону удалось захватить власть. Ярко и образно рисуя ожесточенную политическую борьбу, которая развернулась во Франции в эпоху революции 1848 года, Ж. Санд далеко не розовыми красками изображает крестьян. Ж. Санд подчеркивает, как силен в них мелкособственнический дух и как умело пользуется этим обстоятельством крупная буржуазия, чтобы восстановить крестьянство против республики, против парижского народа. Статьи Ж. Санд, написанные в 1848 году, убедительно показывают, что 18 брюмера Луи Бонапарта было подготовлено политикой крупной буржуазии, прилагавшей все усилия к тому, чтобы расколоть рабочих, натравить крестьян на них, запугать деревню и мелких буржуа призраком коммунизма. И среди рабочих нет еще того единства, которое так хотелось бы видеть Ж. Санд. Очень многое рабочим еще неясно. Рабочие задумываются, как показывает Ж. Санд, над вопросами социальной теории, над тем, что понимать под братством, что такое коммунизм и что такое ассоциация. Неясны им и методы борьбы за новый общественный строй. Ж. Санд подчеркивает, что путь к социализму извилист. Буржуазия будет всячески пытаться (и, весьма возможно, ей это будет удаваться) увлечь рабочих, увлечь народные массы на ложный путь всевозможными обещаниями. Говоря позднее о том, что за Луи Бонапарта голосовали пролетарии крупных городов и огромная масса сельского населения, Ж. Санд замечает, что это было своеобразным проявлением народной мести. Народ мстил буржуазной республике, обманувшей все его ожидания.<sup>1</sup>

Ж. Санд трезвее многих своих соотечественников – писателей демократического лагеря оценивает окружающую ее действительность – социальную борьбу и соотношение классовых сил в эпоху революции 1848–1849 гг. У Гюго, например, по словам К. Маркса, приход к власти Луи Бонапарта в его "Наполеоне Малом" изображается как гром из ясного неба. "Он видит в нем, – пишет Маркс, – лишь насильственное деяние одного индивидуума. Он не замечает,

<sup>1</sup> G. Sand. Questions pol. et sociales, Paris, C. L., 1879, p. 294.

что возвеличивает этого индивидуума, вместо того, чтобы умалить его, приписывая ему беспримерную во всемирной истории мощь личной инициативы."<sup>1</sup>

Еще до захвата власти Луи Наполеоном, говоря о возможных политических ошибках народных масс, Ж. Санд утверждала, что это может задержать, затруднить, но не преградить путь к коммунизму, в торжество которого Ж. Санд твердо верит. Ж. Санд называет себя коммунисткой. В ряде статей она пишет о коммунизме, «о ее определения коммунизма остаются все же довольно туманными.

Знакомясь с публицистикой Ж. Санд 40-х годов, можно проследить известную эволюцию в ее социальных взглядах. В статьях начала 40-х годов чувствуется характерная для утопистов недооценка значения большого города, в частности Парижа, в борьбе за новые общественные отношения. В статье "Г-ну Ламартину" от 1813 г. Ж. Санд подчеркивает только отрицательные стороны роста крупных городов. Париж она называет страшной столицей, бездной, где застывает кровь, где гложет жизнь, жадным Вавилоном и т. д. Подобные эпитеты и сравнения в отношении Парижа и других городов мы встречаем довольно часто в рабочей поэзии той поры. Все поглощается центром, т. е. Парижем, говорит Ж. Санд, а получают от него только деньги – предмет бесплодный, который не доходит до бедняков.

Если в 1843 году Ж. Санд в известной степени противопоставляет провинцию Парижу, то в 1848 году, обращаясь к крестьянам устами своего Блез Бонена, Ж. Санд заявляет: "Париж это вы, это Франция".<sup>2</sup> Говоря о Париже, Ж. Санд видит теперь прежде всего его рабочих, которые, по ее словам, гораздо лучше разбираются в политической борьбе, чем крестьяне, лучше понимают, что нужно крестьянам, всему народу, и являются "передовой армией крестьян".<sup>3</sup>

При всей резкости критики, направленной в адрес буржуазии, статьи Ж. Санд, написанные до марта – апреля 1848 года, отражают характерные для социалистов – утопистов иллюзии о возможности соглашения между народными массами и буржуазией, иллюзии о возможности мирного общественного переустройства. Эти иллюзии оказались безжалостно развеянными событиями 17 марта и 16 апреля. 17-го апреля Ж. Санд пишет, что с самых первых дней Февральской революции среди республиканцев наметились две партии: партия буржуазных республиканцев и партия республиканцев-социалистов, включавшая в себя большую часть рабочих Парижа. "Третьего дня их еще можно было спутать, – заявляет Ж. Санд, – сегодня же их разделяет пропасть. Завтра, возможно, они возьмутся за оружие"<sup>4</sup>. Маркс в работе "Классовая борьба во Франции с 1848 – 50 г." пишет: "17-ое марта и 16-ое апреля были первыми стычками в великой классовой борьбе, которая таилась в недрах буржуазной республики". Эти стычки открыли Ж. Санд глаза на истинный характер борьбы.

<sup>1</sup> К. Маркс. Избр. произв., т. II, 1940, стр. 249.

<sup>2</sup> G. Sand. Souvenirs de 1848, Paris, 1882, p. 55.

<sup>3</sup> Там же, pp. 63 – 64.

<sup>4</sup> G. Sand. Souvenirs et Idées. Paris, C. L" 1848, pp. 11–12.

Тематика статей Ж. Санд самая разнообразная. Наряду с вопросами теоретического характера Ж. Санд затрагивает вопросы повседневной политической и экономической борьбы французского народа. Она выступает с критикой буржуазных свобод, утверждая, что принципы свободы, равенства и братства преданы поруганию современными государственными деятелями.<sup>1</sup> Она выступает против буржуазных республиканцев, пытающихся реформистскими методами решить социальную проблему.<sup>2</sup> Вместе с тем, Ж. Санд подвергает критике социалистов-утопистов. В этом отношении очень интересна ее статья "Политика и социализм" (1844 г.)<sup>3</sup>.

В этой статье Ж. Санд утверждает, что между социалистами и политическими деятелями – революционерами нет контакта, нет содружества. Между тем, для успешной борьбы народных масс за новые общественные отношения совершенно необходимо сближение между этими общественными деятелями.

Слово "социализм", говорит автор, новое слово, у которого нет еще строго определенного значения. Человек, который почитал что-нибудь о социальных системах и мысленно построил какую-нибудь фантастическую утопию, считает себя почему-то уже глубоким социалистом.

Ж. Санд предлагает понимать под политикой "материальное воздействие на общество в целях изменения и улучшения социальных учреждений"<sup>1</sup>, а под социализмом – научную деятельность, направленную на то, чтобы убедить людей в необходимости изменить общественные отношения. Этим двум видам деятельности, говорит она, необходимо объединиться, ибо цель у них одна.

Политики, пишет Ж. Санд, придают значение в основном только борьбе, не задумываясь серьезно о той цели, к которой они стремятся. Им кажется, что, добившись избирательного права для народа, они тем самым решат основную задачу нашего времени. Они мало думают о моральном, интеллектуальном состоянии народных масс. Они думают только о том, чтобы заставить их действовать, и мало думают об их просвещении.

Ж. Санд, как и все представители домарксовского социализма, в борьбе за новый общественный строй придает решающее значение просвещению. Современник Ж. Санд – Бланки писал, что коммунизм "зависит только от народного просвещения..."

Отметив слабые, по ее мнению, стороны борьбы революционеров – представителей "политики", Ж. Санд переходит к деятельности социалистов. Социалисты увлечены отвлеченной идеей справедливости и правды, заявляет Ж. Санд, они мало думают о современной, повседневной борьбе масс. Обращаясь к политическим деятелям – революционерам, социалисты говорят им: "Июльскую революцию 30 года совершил народ, а между тем он не сумел воспользоваться победой. Народ нужно сначала просветить, подготовить, тогда можно приступать к разрешению социальной проблемы"<sup>1\*</sup>. К сожалению, замечает Ж. Санд, в данном случае социалисты оказались правы, но на этом по существу закончилась их деятельность.<sup>4</sup>

<sup>1</sup> G. Sand. Questions politiques et sociales. C. L., 1879, p. 11.

<sup>2</sup> G. Sand. Souvenirs de 1848. Paris, 1882, "La question sociale", pp. 75–77.

<sup>3</sup> G. Sand. Questions politiques et sociales, Paris, C. L., 1879, pp. 63–91.

<sup>4</sup> Там же.

Сен-симонистская аристократия сблизилась с представителями капиталистического мира; фурьеристы пытались договориться с правительством и направили свою энергию на организацию небольшой идеальной общины. Среди народа, продолжает Ж. Санд, куда давно проникли социалистические идеи, образовались различные секты, группы коммунистического направления, из которых одни тяготеют к бабувизму, другие – к реформированному католицизму; взгляды третьих не отличаются ни глубиной, ни определенностью. Короче говоря, заключает Ж. Санд, ни социализм не сумел создать во Франции своей школы, своей науки, ни политические деятели (революционеры) – организовать сильную партию. Попытки претворения в жизнь социальных учений были предприняты еще в эпоху революции 1789 – 93 гг., пишет Ж. Санд. Декларация прав человека и гражданина была проникнута духом философии XVIII века. Но XVIII век был веком индивидуализма, заключает автор.

Как представитель домарковского социализма, для которого неясны движущие силы истории, Ж. Санд пытается объяснить индивидуалистический характер буржуазной культуры влиянием философских идей XVIII века, в частности философии Ж. Ж. Руссо. Философия XVIII века, говорит она, замечательная во многих отношениях, в ряде вопросов оказалась несостоятельной. Ошибочны представления Руссо и его единомышленников о "естественном состоянии" человека, живущего якобы свободно, вне общества. Человек не может жить вне общества; человек вне общества не добр и не зол, говорит Ж. Санд.

Ж. Санд высказывает здесь материалистические взгляды на происхождение морали, утверждая, что понятия добра и зла зародились у людей в результате общения и борьбы с другими людьми. Далее Ж. Санд пытается объяснить "буржуазный эгоизм" влиянием философии. Вследствие ложного понимания философией XVIII века взаимоотношений человека и общества, замечает Ж. Санд, появился взгляд на общество, как на зло, как на нечто враждебное индивиду; последователи Ж. Ж. Руссо говорили о правах человека, забывая о его обязанностях перед другими людьми, перед обществом.

Ж. Санд неоднократно подчеркивает, что человек по своей природе – существо общественное и что между его правами и обязанностями должно быть установлено равновесие.

Народ, говорит далее Ж. Санд, требует у политиков социальной религии, а у социалистов – политической организации.

Что же имеет в виду Ж. Санд под туманным выражением "социальная религия"? Народ, утверждает она, долгое время был равнодушен к политике не только потому, что ему не разрешали ею заниматься, но и потому, что политические деятели мало учитывали духовные запросы народа, его мечты о будущем общественном строе. Во Франции, замечает она, примерно 30 миллионов пролетариев – угнетенных, неграмотных, женщин, детей, которые хотят знать, во что им верить, как понимать свои права и обязанности, как им действовать. Социальная религия и должна дать народу ответы на все эти вопросы. Она должна, полагает Ж. Санд, воспитывать народ в духе социалистической морали. Народ надо вырвать из-под влияния буржуазии и из-под влияния католической церкви. К католической церкви Ж. Санд относится резко отрицательно, как к реакционной силе, поддерживающей капиталистический строй.

Что же касается ее отношения к религии вообще, то оно противоречиво. В ее публицистике и письмах можно встретить самые разнообразные высказывания на этот счет, начиная со звучащего в духе XVIII века "Религия – это вино, злоупотреблять им не следует" и кончая утверждением, что евангельская мораль – это высшая мораль, которая когда-либо была провозглашена на земле.

В статье "Вопросы будущего. Религия Франции" (1848 г.)<sup>1</sup> Ж. Санд высказывает ряд мыслей, характерных для так называемого христианского социализма. Руссо, говорит она, пытался спасти Евангелие, но в эпоху революции 1789 – 94 гг. оно исчезло под обломками католической церкви. Лишь Камилл Демулен говорит о санкюлоте Иисусе. Реставрация не воскресила веры в народе. Церковь отныне стала оплотом богачей, евангельские же идеалы проникли в сердца бедняков, чтобы вызвать к жизни новый культ, новую религию. Эта религия, говорит Ж. Санд, называется РЕСПУБЛИКОЙ (подчеркнуто Ж. Санд). Ее формулами являются свобода, равенство, братство, ее учением – Евангелие, очищенное от всех наслоений и искажений, внесенных в него Средними веками. Народ никогда больше не поверит в божественность Христа; Христос, наконец, правильно понят, и именно народом. Но республиканской Франции нужен культ – это выражение идеала масс, и Ж. Санд предлагает устраивать публичные празднества, демонстрации, которые способствовали бы пробуждению в народе чувства всеобщей солидарности, всемирного братства. Таким замечательным празднеством, проявлением народного энтузиазма и единения была, по мнению Ж. Санд, парижская демонстрация 20 апреля 1848 г. Праздник Федерации на Марсовом поле, говорит Ж. Санд, был детской забавой по сравнению с днем 20 апреля.

В статьях, написанных во время Февральской революции, Ж. Санд уделяет большое внимание выборам в Учредительное собрание. Ж. Санд придает очень большое значение институту всеобщего избирательного права. Нужно только, говорит она, научить народ им пользоваться. Ж. Санд требует с самого начала Февральской революции, чтобы народ послал в Учредительное, а затем Законодательное Собрание своих представителей – рабочих и крестьян. Каждый департамент должен выдвинуть, говорит она, по крайней мере двух кандидатов из народной среды: одного рабочего города и одного крестьянина, которые бы заявили стране о своих нуждах. Участвуя в управлении государством, рабочие и крестьяне постепенно осознают свои интересы, интересы большинства французского народа, полагает Ж. Санд.

В статье "Социализм"- (апрель 1848 г.) Ж. Санд писала: "Социализм – цель, республика – средство, таков лозунг передовых людей нашего времени. Непосредственной, ближайшей задачей Ж. Санд считала выдвижение, а затем выборы депутатов из рабоче-крестьянской среды. Но для того, чтобы народ выдвинул своих депутатов, а затем бы их выбрал, надо было провести широкую разъяснительную работу, нужно было время для этого, и Ж. Санд, так же, как и Бланки, Барбес, Распайль и другие социалисты, ведет усиленную кампанию за отсрочку выборов.

<sup>1</sup> G. Sand. Souvenirs de 1848, Paris, 1882, pp. 101 – 117.

<sup>2</sup> G. Sand. Questions pol. et soc. pp. 255 – 286.

Выступая вместе с Ледрю-Ролленом и другими республиканцами-социалистами, Ж. Санд далеко не во всех вопросах согласна с ними. Прежде всего она не согласна с Ледрю-Ролленом в вопросе о недопущении рабочих к государственным должностям. Ледрю-Роллен относился с недоверием к способности рабочих управлять страной. Ему казалось, пишет Ж. Санд, что если демократы из буржуазии не будут стоять во главе республики, то республика погибнет. Он не хотел, продолжает она, и не мог поверить, что вне буржуазии – среди рабочего класса – можно найти людей способных и достойных быть министрами великого народа.<sup>1</sup>

В упомянутой выше статье "Социализм" Ж. Санд касается целого ряда мероприятий, которые, по ее мнению, должны быть проведены республикой: введение прогрессивного налога, частичная конфискация собственности у капиталистов и т. д. "Возьмем пока у богачей только необходимое для республики", – пишет Ж. Санд. Будущее уничтожит индивидуальное богатство, оно создаст богатство общественное, замечает она. Но к этому люди придут постепенно. Должны быть созданы такие условия, при которых было бы невозможно образование крупных состояний.

В ряде своих статей Ж. Санд указывает на противоречие, существующее в буржуазном обществе между производством и потреблением. В статьях "Пекари Парижа", "Обращение Блез Бонена к добрым гражданам" и др. Ж. Санд замечает, что между производителем и потребителем, между рабочим и крестьянином "имеется длинная рука, которая берет все по самой низкой цене, чтобы продать по самой высокой. Эта длинная рука, в которой остается лучшая часть вашего производства, ваша прибыль, – говорит Бонен народу, – это спекуляция". Ж. Санд стремится показать, что у крестьян и рабочих враг общий: спекулянт, капиталист.

Говоря о борьбе народа за социализм, Ж. Санд касается вопроса о насилии. В принципе Ж. Санд против насилия. В статье "Социализм" (апрель 1848 г.) она пишет: "Народ не собирается вешать буржуазию и разжигать гражданскую войну. Народ хочет добиться своих прав мирным путем. Он не пойдет на провокацию". Но вместе с тем, Ж. Санд не отрицает вовсе насилия. Она считает, что есть моменты в общественной жизни, когда народ должен браться за оружие, а именно: добиваясь республики и всеобщего избирательного права. Санд горячо приветствовала и борцов Июльской революции и баррикадных борцов Сен-Мерри и участников Февральской революции. В так называемом 16 бюллетене республиканского правительства, составленном ею, Ж. Санд говорит о том, что если выборы пройдут в интересах богачей, то народу придется снова воздвигнуть баррикады.

В 1848 году Ж. Санд пишет свою известную статью "К богатым"<sup>2</sup> – статью, на которую еще недавно ссылались современные французские коммунисты.

Обращаясь к буржуазии, Ж. Санд восклицает: "Вас охватил страх перед коммунизмом или коммунизм для вас только предлог;

<sup>1</sup> G. Sand. Souvenirs et Idées, p. 7.

<sup>2</sup> G. Sand. Questions pol. et soc., pp. 225 – 230.

вы боитесь предоставить народу права из боязни, что он проявит себя коммунистом. Увы! Народ еще не настроен коммунистически, но не пройдет и ста лет, как Франция пойдет за коммунистами. Коммунистов среди народа сейчас чрезвычайно небольшое количество; но не забудьте, – добавляет Ж. Санд, – что если большинство выражает обычно правду настоящего, то меньшинство – правду будущего. Вы говорите, что есть коммунисты, которые хотят немедленно огнем и мечем установить коммунизм, разрушить собственность и семью. Где такие коммунисты? Я никогда таких не видела, я, которая являюсь коммунисткой". Далее Ж. Санд упоминает о незавершенной коммунистической системе Пьера Леру, носящей исключительно мирный характер, и о романтической утопии Кабэ, также мирного коммунистического направления.

В предисловии к книге В. Бори "К рабочим и хозяевам" Ж. Санд замечает, что коммунизм это учение, которое пока еще не сформулировало окончательно свои положения, но оно это сделает, и притом в недалеком будущем.

Ж. Санд верила в народные силы, народные таланты. Она говорила, что народ в процессе приобщения к общественной, государственной деятельности сумеет решить те вопросы социальной теории и борьбы, которые теоретики утопического социализма, а также "политики" – революционеры, оторванные от народных масс, не смогли разрешить.

Необходимо объединиться всем истинно демократическим силам Франции для создания партии, защищающей интересы народа, интересы рабочих и крестьян, говорила Ж. Санд.

Эта партия должна вести политическую борьбу, защищать республиканскую форму правления и всеобщее избирательное право, вместе с тем, эта партия должна вести так называемую социальную борьбу (выражение Ж. Санд и ее современников), т. е. должна помнить, что конечной целью ее борьбы является полное преобразование современного общества на новых началах, на началах коммунизма. Для этого, замечает Ж. Санд, необходимо упорно и настойчиво воспитывать у рабочих и крестьян социалистическую психологию.

В своих воспоминаниях Ж. Санд говорит, что, встречаясь с целым рядом представителей социальных учений и сталкиваясь с различными политическими партиями, она никогда не считала себя строгой последовательницей какого-нибудь определенного социального учения или партии. За всеми этими учениями и партиями она всегда видела народ. Пусть этот народ и совершает ошибки и глупости, она все же будет ему верна, будет ему служить.

Не понимая законов общественного развития, Ж. Санд пыталась их угадать; она неустанно призывала своих современников изучать их, утверждая, что знание этих законов необходимо народу в его борьбе за социализм. Она сумела многое верно понять и правильно оценить в происходящей на ее глазах классовой борьбе. Ученица Ж.Ж.Руссо сделала из его учения дальнейшие революционные выводы. Заимствуя у Ж. Жака утверждение, что развитие частной собственности на землю явилось причиной появления социального неравенства и всяких социальных бедствий, Ж. Санд делает затем из этого утверждения вывод, который ей подсказывает развивающаяся

во Франции борьба рабочего класса, вывод, которого Ж. Жак не сделал, а именно: частная собственность должна быть уничтожена и заменена коллективной собственностью.

Утверждая вместе с Ж. Ж. Руссо, что бог – Природа создала всех людей равными, имеющими равное право на счастье, Ж. Санд, однако, критикует попытки Руссо идеализировать первобытный строй. Ж. Санд твердо верит в прогрессивное развитие человеческого общества, твердо убеждена в том, что "золотой век" впереди, а не в прошлом.

Вместе с Ж. Ж. Руссо Ж. Санд утверждает за народом право на государственную власть, но в слово "народ" она вкладывает уже иное понятие, чем Ж. Жак. Не мелкие собственники, как у Руссо, составляют для нее основную массу народа. Свидетельница быстрого роста техники и промышленности, Ж. Санд верно угадывает будущее значение городского пролетариата в боях народа за власть.

\*   \*

\*

В этой статье затронуты далеко не все вопросы общественной борьбы, которые волновали Ж. Санд и на которые она откликалась в различных своих произведениях.

Из анализа романов, писем и особенно публицистики Ж. Санд следует, что автор их отнюдь не является человеком, ничего не понимающим в политике, в общественной жизни, человеком, не имеющим определенных социальных убеждений, как это старались и стараются до сих пор представить буржуазные писатели.

Борьба Ж. Санд с буржуазией продолжается и по сей день, замечают современные французские коммунисты.

Несколько лет тому назад, в сентябре 1953 года, во Франции в американской газете "Chad News", издававшейся тогда в области, где находится бывшее поместье Ноган, ныне музей Ж. Санд, появилась статья, в которой автор пытался всячески снизить художественное и общественно-политическое значение творчества Ж. Санд.

В связи с этим Комитет Французской коммунистической партии этой области выступил с письмом на имя правнучки Ж. Санд – Авроры Лоус Санд, где называет Ж. Санд горячей защитницей французского народа, принявшей активное участие в революции 1848 г. Комитет заверял правнучку великой писательницы, что коммунисты никогда не забудут заслуг Ж. Санд перед демократией, и что грубые нападки на Ж. Санд со стороны представителей американского доллара не могут задеть "нашу великую Ж. Санд", память о которой продолжает жить в сердцах всех простых людей Франции.<sup>1</sup>

<sup>1</sup> La Pensee. R evue du rationalisme moderne, № 52, XII, 1953, pp. 127–128, "George Sand Insulte".